

Загробная жизнь и бессмертие души

Свидетельства и факты

ОТВЕТЫ
НА ТРУДНЫЕ
ВОПРОСЫ

Галина Калинина

Загробная жизнь и бессмертие души. Свидетельства и факты

Серия «Ответы на трудные вопросы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071374

Загробная жизнь и бессмертие души. Свидетельства и факты / сост.

Г. Калинина : Вече, ГрифЪ, Лепта Книга; Москва; 2014

ISBN 978-5-4444-1900-7, 978-5-905889-41-7, 978-5-91173-393-3

Аннотация

«Загробная жизнь и бессмертие души» – книга, в которой рассматриваются различные аспекты смерти и посмертного бытия человеческой души. С позиций Православия в книге объясняется вера в бессмертие души, рассказывается об обрядах, которыми сопровождает Церковь смерть человека, о том, как помочь своим умершим близким, чтобы облегчить их посмертное существование, как правильно молиться о них дома и в храме. В третьей части книги приведено множество документально зафиксированных свидетельств о явлении умерших и свидетельства тех, кто пережил клиническую смерть и вернулся, чтобы рассказать о видении рая и ада. Большинство случаев никогда не было опубликовано в массовой печати. Книга адресована тем, кто желает узнать правду о

посмертной участи человека, кто пережил смерть близких и ищет успокоения у Единого Утешителя – Бога.

Содержание

Часть 1. О смерти и бессмертной душе	6
О человеческой душе	6
Что такое смерть?	14
О необходимости приготовления к смерти	18
Слово о смерти	21
Внезапная смерть	32
Важность поминовения усопших	38
Просьба умерших о поминовении их и благодарность за молитвы живых	44
Попечение Православной Церкви об усопших	59
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Загробная жизнь и бессмертие души. Свидетельства и факты *Г. Калинина*

© Калинина Галина, текст, 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2014

© ООО «Издательство «Лепта Книга», 2014

* * *

Не обленимся помогать умершим и приносить за них молитвы; ибо предлежит общее очищение Вселенной. Посему мы и молимся с дерзновением о всей Вселенной и именуем их вместе с мучениками, исповедниками и священниками. Ибо все мы — одно тело, хотя одни члены превосходят других. Отовсюду возможно снискивать им прощение: и от молитв, и от приносимых за них даров, и от признаваемых вместе с ними. Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь снискать прощения умершему?

Свт. Иоанн Златоуст

Часть 1. О смерти и бессмертной душе

О человеческой душе

Почему во все времена так много говорилось и говорится сейчас о душе человеческой?

Да потому, что душа – это жизненное начало... Потому, что жизнь человеческой души в Боге есть самое главное в жизни человеческого общества и жизни Церкви. Потому, что жизнь человеческой души в Боге и с Богом – это основа нравственного развития как человека, так и общества.

Душа – это главная часть естества человека. Душа есть некий вид энергии, еще не познанный людьми науки.

Это та бессмертная, разумная духовно-нравственная сила, которую человек получил от Бога при творении.

Люди не видят своей души и потому, к сожалению, не умеют ее ценить.

А ведь *душа – это те задатки добра и святости*, которые являются частью нашего естества и даны нам Богом. И эта душевная сторона нашего естества *сотворена Богом прекрасной*. Она освящена Благодатью Духа Святого и является «частичкой» Бога в нас и дает нам возможность нашего

обожения.

Душа – это совокупность всех мыслительных разумных действий, все наше внутреннее существо, внутреннее содержание человека, в какой-то степени **характеристика** человека, обуславливающая его поступки, его действия, поведение, его жизнь. Она одуховлена Духом Божиим, бессмертным и разумным, и при жизни душа и Дух соединены воедино.

Душа человека духовна и бессмертна – это догмат.

По определению блаженного Августина, она безвидна (невидима) и безобразна (не имеет образа). Бог создал ее духовною и живою, разумною и свободною, и она составляет с телом один живой организм.

Душу можно видеть только посредством откровения и Божественного просвещения. Только умные глаза отдельных людей, просвещенных благодатию Божией, могут видеть душу. <...>

При создании души человеческой Бог творил ее по образу Духа, вложив в нее законы добродетели: рассудительность, ведение, благоразумие, веру, любовь и другие.

В душе человека заложен образ Божий, который проявляется в ее бессмертии и духовности, в ее способностях и силах, в ее памяти, разуме и воле. Это духовная сила нашей жизни. Это творение Божие. А все сотворенное Богом прекрасно. Уже по своему творению она является особо тонкой, возвышенной, разумной, исполненной необычайной красо-

ты и предназначена для пребывания в ней Бога. Это *дом Ду-
ха Божия в нас!* <...>

Душа наша драгоценна. Это великий дар Божий, оценить который не в силах ни наша мысль, ни наше сердце – это цена крови, пролитой Спасителем на Голгофском кресте (1 Кор. 6, 20). Господь претерпел все унижения и мучения (с младенчества и до Голгофских страданий) ради спасения наших бессмертных душ.

Бог дал душе бессмертие, разум, который вбирает в себя неисчислимое множество знаний... Дал свободу духа, свободу выбора, только зовет нас...

Поистине нет цены бессмертной душе человека: *она искуплена кровию Богочеловека и призвана Им к вечной и блаженной жизни*, предназначена быть «храмом живущего в нас Духа Святого»: *носить в себе образ Создателя своего*. <...>

Душа – это та разумная часть нашего естества, благодаря которой мы способны распознавать добро и зло, выбирать свой жизненный путь.

Это та разумная и мыслящая часть нашего естества, которая позволяет нам усилиями своей воли с помощью Божией, познав волю Его и возлюбив ее всем сердцем, строить нашу жизнь на основе заповедей Божиих.

Это та часть естества нашего, которая позволяет нам сознательно идти путем, указанным Богом, борясь со всеми искушениями и ухищрениями духа злобы, которая дает нам

возможность не увлекаться земными соблазнами, а иметь единственную цель в жизни – *стремление* к познанию Бога и, насколько это доступно человеку, ощущать присутствие Божие уже во время нашей временной земной жизни.

Душа – это частичка Бога в нас, это вместилище Духа Святого. Через душу Бог постоянно присутствует в нас... Будучи сотворенной бессмертной и одуховленной Богом (при творении же), она получила предназначение стать нерукотворенным храмом Духа Божия, местом постоянного обитания в нас. И если человек освящает ее Святым крещением и не загрязняет своими повседневными грехами, то Дух Божий постоянно в ней присутствует, и она становится храмом Божиим, тем нерукотворенным храмом, которому предназначено жить вечно, вместив в себя Бога. <...>

Святые Отцы и учителя Церкви восторженно говорят о человеческой душе, в прекрасных выражениях описывают величие и необыкновенную ее красоту.

Святитель Григорий Богослов:

Душа – существо умносозерцаемое, вечно пребывающее, образ и дыхание Всемогущего Бога, частица Божества (конечно, не в собственном значении этого слова), струя невидимого Божества и бесконечного света. Божественный и неугасимый свет, заключенный в теле, как в пещере.

Душа – природа оживляющая и движущая; с душой сродственны разум и ум. <...>

О. Иоанн Кронштадтский:

Душа наша есть, так сказать, отражение лица Божия; чем яснее, больше это отражение, тем она светлее, покойнее; чем меньше – тем темнее, беспокойнее. А как душа наша – сердце наше, то надобно, чтобы в нем отражалась через чувства, через благодарность всякая истина Божия, а отражения лжи вовсе не было.

Душа – часть мира духовного. Бог отражается в благочестивой душе, как солнце в капле воды; чем чище эта капля, тем лучше, яснее отражение, чем мутнее – тем тусклее, *так что в состоянии крайней нечистоты*, черноты души отражение (Божие) прекращается, и *душа остается в состоянии духовного мрака*, в состоянии бесчувственности.

Святой Макарий Великий говорит¹, что Ангелы имеют образ и вид, так как и душа имеет свой образ и вид, и что этот образ, наружный вид как Ангела, так и души, есть образ и вид внешнего человека в его теле. Тот же угодник Божий научает, что Ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тела. Они – тела тонкие, эфирные, напротив, наши земные тела очень вещественны и грубы. Грубое человеческое тело служит одеждой для тонкого тела – души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащие душе, надеты подобные члены тела. Когда душа разлучается с телом посредством смерти, она совлекается

¹ Основы правильной духовной жизни: Практическая энциклопедия. По творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) / Сост. свящ. Сергей Молотков. СПб.: Сатись; Держава, 2003. С. 121–123.

его, как бы одежды. Святой Макарий говорит, что совершеннейшие из христиан, очищенные и просвещенные Святым Духом, видят образ души, но такого совершенства и видения достигают между святыми весьма редкие. Этот великий отец утверждает, что у молящихся молитвой Духа душа во время молитвы иногда выходит из тела особенным и непостижимым действием Святого Духа. (Описывая сверхъестественные действия Божественной благодати во время молитвы, Великий Макарий говорит: «В той час случается человеку, что с исхождением из уст молитвы исходит купно из него душа». Очевидно, что это случалось с самим святым Макарием.) И в тот век, в который процветал в пустыне египетского скита великий Макарий, в век высокого подвижничества монашеского, весьма редкие между святыми иноками сподоблялись видеть образ души; тем реже они ныне. Но и ныне они встречаются, по великой милости Божией и по неложному обетованию Господа Иисуса, пребывать с верными учениками Своими до скончания века. По личному свидетельству такого избранника Божия, внезапно узревшего душу свою, при обильнейшем благодатном действии молитвы, исшедшей из тела и стоящей на воздухе, она – эфирное, весьма тонкое, летучее тело, имеющее вид нашего грубого тела, все его члены, даже волосы, его характер лица, – словом, полное сходство с ним. Не только силы ума и сердца были при душе, но при ней были и все органы чувств: зрение, слух, осязание, при ней была вся жизнь, а тело оставалось на

стуле, как мертвое, как скинутая одежда, доколе, по мановению Божию, не возвратилась в него душа так же непостижимо, как непостижимо вышла из него.

На V Вселенском Соборе² святые отцы утвердили, что *душа творилась вместе с телом*, а не отдельно друг от друга, основываясь на Священном Писании.

То, что душа и тело при жизни человека теснейшим образом связаны взаимно, св. Григорий Богослов объясняет проявлением премудрости Божией, промыслительно установившей этот союз. Если бы, по его мнению, душа не была связана с телом и не должна бы обуздывать страсти и укрощать греховные порывы тела, а только была бы носительницей в себе частицы Божества, *она могла бы возгордиться и превознестись своим достоинством*.

Но будучи непосредственно связанной с телом, перенося все житейские тяготы, болезни и искушения вместе с ним и в то же время являясь носительницей образа Божия, она понуждает и тело стремиться ко всему чистому и Божественному, «... чтобы в борьбе и брани с телом мы постоянно обращали взоры к Богу... чтобы мы знали, что мы в одно и то же время велики и ничтожны, *перстны и небесны, смертны и бессмертны*.

Душа соединена с телом для того, чтобы, если мы

² Размышления о бессмертной душе. О естестве и назначении души / Сост. архимандрит Иоанн (Крестьянкин). 2-е изд. Псков: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1999. С. 106–128.

вздумаем гордиться образом Божиим в нас, земное естество наше смирило бы нас.

Размышления о бессмертной душе. О естестве и назначении души /Сост. архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

Что такое смерть?

Священное Писание дает нам точное определение смерти: *И возвратится персть в землю, якоже бе, и дух возвратится к Богу, иже даде его* (Еккл. 12, 7). Значит, смерть есть разлучение души с телом. Когда душа покинула тело, тогда мы человека называем мертвым. Одно тело без души не составляет человека, оно – труп, а не человек; точно так и душа без тела есть дух, а не человек.

Тело человека само по себе, без души – мертво, без нее оно подвергается разложению, тлению и, таким образом, лишается жизни. Время от разлучения души с телом до Второго пришествия Христова на землю в Священном Писании называется *сенью смертною* (Пс. 22, 4).

Смерть тела есть как бы естественный временный сон, способствующий обновлению сил душевных и телесных; это есть как бы погребение семени в землю, которое и должно истлеть, чтобы возрастить в себе корень новой жизни, чтобы произвести из себя зеленеющее растение с цветами и плодами в вечности.

Видя умирающего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласен, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу; от настоящего видения возведи помыслы к надежде будущего. Умерший гниет, тлеет и превращается в персть и прах. Что же из это-

го? Надо радоваться, ибо тот, кто хочет перестроить развалившийся ветхий дом, сначала выводит из него живущих, потом разрушает его и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, ибо обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и не видимое здание. То же и Бог творит. Он, разрушая наше тело, сперва изводит из него душу, в нем живущую, как бы из некоторого дома, дабы потом, воздвигнув его в лучшем виде, снова ввести в него душу с большею славою (Христианское чтение, 1842. С. 137).

Итак, смерть есть удел каждого человека, удел неизбежный, – ее не минует никто; ибо, как говорит пророк Давид: *Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти?* (Пс. 88, 49).

Однако ничего нет неизвестнее, как день или час смерти: *Яко убо не разуме человек времени своего* (Еккл. 9, 12), – говорит Священное Писание.

Всем известно, что умрем, но когда? Не знаем, так как смерть не разбирает и не назначает времени, не считает, сколько лет прожил человек, не ждет старости, не щадит юности, не обращает внимания на то, приготовил ли себя человек для будущей жизни или нет, – пожинает всех; она подобна земледельцу, вышедшему с косой на луг, который не смотрит и не отделяет цветов от травы, а косит подряд все, будет ли то трава старая или едва распустившиеся цветки, и затем все скошенное вместе сушит и собирает в стога или

в устроенные для того помещения; почему и пророк Давид говорит: *Человек, яко трава дние его, яко цвет селный, тако оцветет: яко дух пройдет в нем, и не будет, и не познает ктому места своего* (Пс. 102, 15–16).

Из Священного Писания нам известно, что прародители наши – Адам и Ева, от которых произошел весь род человеческий, сотворены были бессмертными: *И сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их, читаем мы в книге Бытия... и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу* (Быт. 1, 27; 2, 7).

Откуда же и когда явилась смерть? То же Священное Писание поучает, что она есть последствие греха. Грехом смерть вошла в мир (см.: Рим. 5, 12), говорит апостол Павел. Смерть получила свое название от Самого Бога в то время, когда ее еще и не было, так как Господь Бог, заповедуя прародителям нашим Адаму и Еве не вкушать плодов от древа познания добра и зла, сказал: *в оньже аще день съесте от него, смертию умрете* (Быт. 2, 17).

Из вышесказанного ясно видно, что смерть есть определенное, по непреложному суду Божию, следствие греха, распространившегося через прародителей на весь род человеческий, так как суд Божий, высказанный прародителям: *земля еси и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19), относится и к каждому человеку, как потомку первых людей, почему и апостол Павел говорит: *человекам положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9, 27).

Диавол в образе змия, прельщая прародителей, говорил: Не смертию умрете... будете яко бози (Быт. 3, 4–5). Они поверили ему, вкусили запрещенного плода, но только не получили божества, а были изгнаны из рая сладости и подпали под казнь смертную, и не только сами, но и их дети, и весь род человеческий. Бывши до грехопадения как боги бессмертными, безстрастными и безболезненными, тотчас после падения потеряли божество и бессмертие, и смерть приняла над ними, а через них и над всеми, свое господство; почему и пророк Давид говорит: Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси. Вы же яко человецы умираете (Пс. 81, 6–7).

О необходимости приготовления к смерти

Если же по особому милостивому Промыслу Божию не всем нам открыт смертный час, то мы тем более должны заботиться и молиться о том, чтоб кончина наша была безболезненна и мирна и чтобы во всякое время, всегда готовы были предстать и дать добрый ответ на Страшном Судилище Христовом за жизнь, проведенную нами на земле. А для этого нам нужно непрестанно вспоминать о смертном часе: *Поминай последняя твоя*, – говорит Премудрый, – *и вовеки не согрешиши* (Сир. 7, 39), – и в случае грехопадений скорее исповедываться пред своим духовным отцом, не откладывая покаяния день за днем, по нашему нерадению и беспечности. «Еще успеем покаяться, когда придет старость», – так говорят только ленивые и неразумные, ибо нам неизвестно и того, доживем ли мы до завтра. Кто нам сказал, что мы долговечны, и кроме того, разве не часто нам приходится видеть молодых людей, одержимых тяжкими болезнями, которым не до сокрушения о грехах, так как у страждущего душа бывает занята ужасом самой смерти. Какое обращение ко Господу, какое раскаяние в прошлом может быть, когда страдания тела, терзаемого смертию, или оставят человека вовсе без сознания, или при слабом сознании без всякого мужества и силы? Нет. Готовиться к смерти нужно заранее. Тогда луч-

ше будем мы вразумляться и мыслию о смерти и больше соберем плодов для вечности. Тогда-то мы будем располагать жизнь свою так, что нам никогда не будет страшно перейти в вечность. При каждой встрече с искушением сильным, пред грозным взором смерти будут погасать в нас порочные страсти, а чистый пламень любви к Господу будет гореть в нас, не угасая.

Истинный христианин встречает смерть не как грозное страшилище, но как вестника мира. Смерть приходит к нему не для того, чтобы разлучить его с Иисусом Христом, Который исполнил за нас правду закона, но для того, чтобы соединить с Ним. Если же не так представляют себе смерть, это значит, что не знают другой жизни, кроме земной, других благ, кроме благ временных, другого Бога, кроме богов века сего.

В таком случае несчастна та душа, которую не хотят пробуждать страхом смерти от ее сна; несчастны те люди, которые заботятся о том, как бы не дошла до ушей их весть о смерти. Это значит то же, что у утопающего в волнах отнять доску, на которой он мог бы спастись. Чем более смерть будет устрашать нас, тем скорее исчезать будет обаяние греха, тем более мы будем дорожить талантами, врученными нам от Бога.

Правда, никто из нас не говорит себе, что не увидит смерти, однако ж не многие ли так живут, как будто вовсе не думают умереть? Всем известен приговор Правды вечной: *Зем-*

ля еси и в землю отыдеши. Наши знакомые, наши друзья в глазах наших исполняют его на себе. А нас этот приговор не касается?

Мы провожаем других в иной мир, а готовим ли себя в тот же путь? Напротив, мысль о смерти не так ли «близка» душе нашей, как гость постылый, которого и холодно принимаем мы, и выпроваживаем как можно скорее? Не так ли редко западает она в душу нашу, как однажды холодно принятый знакомый? Если так, то нечего удивляться, что так мало живем мы для добра.

В ком нет надежды на загробную жизнь, тот не может называться истинным христианином, потому что с истинным христианством должно быть соединено упование и ожидание явления Христова и будущей жизни.

Архим. Пантелеимон. Тайны загробной жизни.

Слово о смерти

*Да доминайте день исхода вашего от земли
Египетская вся дни жития вашего.*

Смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной временной жизни в вечность. При совершении смертного таинства мы слагаем с себя нашу грубую оболочку – тело – и душевным существом, тонким, эфирным, переходим в другой мир, в обитель существ, однородных душ. Мир этот недоступен для грубых органов тела, через которые во время пребывания нашего на земле действуют чувства, принадлежащие, впрочем, собственно душе. Душа, исшедшая из тела, невидима и недоступна для нас, подобно прочим предметам невидимого мира. Видим только при совершении смертного тайнодействия бездыханность, внезапную безжизненность тела; потом оно начинает разлагаться, и мы спешим скрыть его в земле; там оно делается жертвою тления, червей, забвения. Так вымерли и забыты бесчисленные поколения людей. Что совершилось и совершается с душой, покинувшей тело? Это остается для нас, при собственных наших средствах к познанию, неизвестным.

Сокровенное таинство – смерть! До озарения людей светом христианства, большей частью они имели о бессмертии души самые грубые и ложные понятия; величайшие мудрецы

язычества только умозаключали и догадывались о нем. Однако сердце и падшего человека, как ни было мрачно и тупо, постоянно осязало, так сказать, свою вечность. Все идолопоклоннические верования служат тому доказательством; все они обещают человеку загробную жизнь, — жизнь или счастливую или несчастливую, соответственно земным заслугам.

О состоянии праведников по воскресении Господь возвестил, что они *яко Ангели Божии на небеси суть, равны бо суть Ангелом*. Предвозвещаая о Своем втором пришествии и Страшном Суде, Господь сказал, что тогда он речет стоящим одесную Его праведникам: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира*; а стоящим ошуюю грешникам речет: *идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его*. И то достоверно, что воздаяние как праведников, так и грешников весьма различно. Правосудие Божие воздаст каждому человеку *по делам его*. Не только небесных обителей бесчисленное множество, по свидетельству Спасителя, но и ад имеет множество различных темниц и различного рода мучения: *согрешивший в ведении биен будет много, согрешивший в неведении биен будет мало*.

Христиане, одни православные христиане и притом прошедшие земную жизнь благочестиво или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедию пред отцом духовным и исправлением себя, наследуют вместе со светлыми Ангелами вечное блаженство. Напро-

тив того, нечестивые, т. е. неверующие во Христа, злочестивые, т. е. еретики, и те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах или впади в какой-либо смертный грех и не утравечали себя покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами.

Патриархи Восточно-Кафолической Церкви в послании своем говорят: «Души людей, впавших в смертные грехи и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящей жизнью покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния, каковы: молитвы, слезы, коленопреклонения при молитвенных бдениях, сокрушение сердечное, утешение бедных и выражения любви к Богу и ближним, что все Кафолическая Церковь с самого начала признает богоугодным и благопотребным – души таких людей нисходят во ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь, впрочем, надежды облегчения от них. Облегчение же они получают по бесконечной благодати, чрез молитвы священников и благотворения, совершаемые за умерших, а особенно силою Бескровной Жертвы, которую, в частности, приносит священнослужитель для каждого христианина о его присных, вообще же за всех повседневно приносит Кафолическая Апостольская Церковь». Смерть грешников люта, говорит Писание, а для благочестивых и святых она – переход от молв и смятений житейских к нерушимоу спокойствию, от непрерывных страданий – к непрерывному блаженству, переход с земли на небо и соединение с бесчисленным сон-

мом святых Ангелов и бесчисленным сонмом святых чело-
веков. В ненасытном созерцании Бога и в непрестанном го-
рении любовью к Нему заключается высшее и существенное
наслаждение небожителей. Преподобный Макарий Великий
рассуждает об этом предмете следующим образом: «Когда
исходит из тела душа человеческая, тогда совершается некое
великое таинство. Если она повинна будет греху, то присту-
пают к ней полчища демонов, ангелы сопротивные и силы
темные, и похищают душу в область свою. И не должно се-
му, как бы необычайному, удивляться. Если человек, живя
еще в сем веке, им покорился, и повиновался, и соделался их
рабом: тем более, когда исходит от мира, бывает ими пленен
и поработен. Также, напротив, в отношении лучшего состо-
яния должно разуметь: святым Божиим рабам и ныне пред-
стоят Ангелы, и святые духи сохраняют и окружают их. А
когда из тела изыдут лики Ангельские, восприяв их душу,
относят в свою страну, в мир святыни, и приводят их к Гос-
поду». <...>

«Многие обольщают себя, – говорит блаженный Феофи-
лакт, – суетным упованием, думают, что получают Царство
Небесное, и присоединяют себя к лику возлежащих на вы-
соте добродетелей, высоко мечтая о себе в сердце своем...
Много званых, потому что Бог призывает многих, паче же
всех, но мало избранных, мало спасаемых, мало достойных
избрания Божия. Призвание – дело Божие, а избрание и
неизбрание зависят от нас: иудеи были званными, но не ока-

зались избранными, оказались непослушными Призывавшему.

Великий между святыми иноками Арсений во все время жития своего, когда занимался рукоделием, полагал на колени платок, по причине слез, изливавшихся из очей его. Он скончался. Авва Пимен, отец, особенно обиловавшими даром духовного рассуждения, услышав о кончине его, сказал: «Блажен Арсений: ты оплакал себя в течение земной жизни! Не оплакивающий себя здесь будет плакать вечно. Невозможно избежать плача: или здесь – произвольного, или там, в муках, невольного». Услышав об этой смерти, Феофил, патриарх Александрийский, сказал: «Блажен, авва Арсений! Ты непрестанно помнил час смертный». <...>

Господь призывает человека к покаянию и спасению до последней минуты его жизни. В эту последнюю минуту еще отверсты двери милосердия Божия всякому, толкущему в них. Никто да не отчаивается! Доколе не закрыто поприще, действителен подвиг. Последние минуты человека могут искупить всю жизнь его. В Египте некоторая девица, именем Таисия, оставшись сиротою после родителей, умыслила обратить дом свой в странноприимницу для скитских иноков. Прошло много времени, в которое она принимала и успокаивала отцов. Наконец ее имение истощилось. Она начала терпеть недостаток. С нею познакомились неблагономеренные люди и отвратили ее от добродетели; она начала проводить худую жизнь, даже развратную. Отцы, услышав это, очень

опечалились. Они призвали авву Иоанна Колова и сказали ему: «Мы слышали о сестре Таисии, что она расстроилась. Когда была она в состоянии, показывала нам свою любовь, и мы ныне покажем нашу любовь к ней и поможем ей. Постарайся посетить ее и, по премудрости, данной тебе Богом, устрой ее». Авва Иоанн пришел к ней и сказал старице, стоявшей на страже у ворот, чтоб она доложила о нем госпоже своей. Она отвечала: «Вы, монахи, поели все имение ее». Авва Иоанн сказал: «Доложи ей, я доставлю ей большую пользу». Старица доложила. Юная госпожа сказала ей: «Эти иноки, постоянно странствуя при Чермном море, находят жемчуг и драгоценные камни; поди приведи его ко мне». Авва Иоанн пришел и сел возле нее. Возрев на лицо ее, он преклонил главу и начал горько плакать. Она сказала ему: «Авва, что ты плачешь?» Он отвечал: «Вижу, что сатана играет на лице твоём, и как мне не плакать? Чем не понравился тебе Иисус, что ты обратилась на противные Ему дела?» Она, услышав это, затрепетала и сказала ему: «Отец! есть ли для меня покаяние?» Он отвечал: «Есть». «Отведи меня, куда хочешь», – сказала она ему и, встав, пошла вслед за ним. Иоанн, заметив, что она не распорядилась, даже не сказала ни одного слова о доме своем, удивился. Когда они достигли пустыни, уже смеркалось. Он сделал для нее возглавие из песка, такое же другое на некотором расстоянии для себя. Оградив ее возглавие крестным знаменем, сказал: «Здесь усни». И он, исполнив свои молитвы, лег спать. В

полночь Иоанн проснулся – видит: образовался некий путь от того места, где почивала Таисия, до неба; Ангелы же Божии возносят ее душу. Он встал и начал будить ее, но она уже скончалась. Иоанн повергся ниц на молитву и услышал глас: «Един час покаяния ее принят паче долговременного покаяния многих, не оказывающих при покаянии такого самоотвержения». «Господи! Для рабов Твоих, – говорит Василий Великий, – разлучающихся с телом и приходящих к Тебе, Богу нашему, нет смерти, но преставление от печального на полезнейшее и сладостнейшее, и на упокоение и радость». <...>

Апостол Петр называет плотское и душевное состояние человека, хотя и благочестивых, темным местом. Место может быть не только вещественное, но, в отвлеченном значении, и мысленное и нравственное, как Писание говорит: *в мире (сердечном) место Его* (Божие). Заключение в темном месте и желающим спастись должно руководствоваться, как светилom, Священным и Святым Писанием, доколе не низойдет на них Святой Дух и не соделается для них живою книгою Божественного учения, всегда открытою и неумолкающею. *Имамы известнейшее пророческое слово, ему же внимающе, яко светилу сияющему в темном месте, добре творите, дондеже день озарит и денница возсияет в сердцах ваших.*

Заключенные в темнице земного мудрования! Услышим тех, которые стяжали о Господе духовную свободу и озари-

лись духовным разумом! Слепорожденные! Услышим прозревших от прикосновения к очам их перста Божия, увидевших свет истины, увидевших и уведавших, при сиянии этого света, невидимое для плотских и душевных умов. Слово Божие и содействующий слову Дух открывают нам, при посредстве избранных сосудов своих, что пространство между небом и землею, вся видимая нами лазуревая бездна, воздух, поднебесная служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с неба. <...> Святой апостол Павел называет падших ангелов духами злобы поднебесными, а главу их – князем власти воздушной. Падшие ангелы рассеяны во множестве по всей прозрачной бездне, которую мы видим над собою. Они не перестают возмущать все общества человеческие и каждого человека порознь; нет злодеяния, нет преступления, которого бы они не были зачинщиками и участниками; они склоняют и научают человека греху всевозможными средствами. *Супостат ваш диавол*, говорит святой апостол Петр, *яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Петр. 5, 8) и во время земной жизни нашей, и по разлучении души с телом. Когда душа христианина, оставив свою земную храмину, начнет стремиться через воздушное пространство в горнее отечество, демоны останавливают ее, стараются найти в ней сродство с собою, свою греховность, свое падение и низвести ее во ад, уготованный *диаволу и ангелам его*. Так действуют они по праву, приобретенному ими.

Все явно отвергшие Искупителя, отседе составляют до-

стояние сатаны: души их, по разлучении с телами, нисходят прямо в ад. Но и христиане, уклоняющиеся ко греху, недостойны немедленного переселения из земной жизни в блаженную вечность. Самая справедливость требует, чтоб эти уклонения ко греху, эти измены Искупителю были взвешены и оценены. Необходимы суд и разбор, чтоб определить степень уклонения ко греху христианской души, чтоб определить, что преобладает в ней – вечная жизнь или вечная смерть. И ожидает каждую христианскую душу, по исшествии ее из тела, нелицеприятный Суд Божий, как сказал святой апостол Павел: *лежит человеком единою умерети, потом же суд* (Евр. 9, 27).

<...> Когда душа христианина начнет восходить к небу, руководимая святыми Ангелами, темные духи обличают ее неизглаженными покаянием грехами ее, как жертвами сатане, как залогами общения и одинаковой вечной участи с ними.

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стража в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведывает особенным видом греха и истязывает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в Отеческих Писаниях *мытарствами*, а духи, служащие в них, – *мытарями*. <...>

Блаженный Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, постоянно беседовал о смерти и о исходе души из тела, как ему о том открыто было преподобным Симеоном Столпником. «Когда душа выйдет из тела, – говаривал он, – и начнет восходить к Небу, встречают ее лики бесов и подвергают многим затруднениям и истязаниям. Они истязают ее во лжи, клевете, ярости, зависти, гневе, памятозлобии, гордости, срамословии, непокорстве, лихве, сребролюбии, пьянстве, объедении, злопомлении, волхвовании, братоненавидении, убийстве, воровстве, немилосердии, блуде, прелюбодеянии. Во время шествия души от земли к небу сами святые Ангелы не могут помочь ей: помогают ей единственно ее покаяние, её добрые дела, а более всего – милостыня. Если не покаемся в каком грехе здесь по забвению, милостынею можем избавиться от насилия бесовских мытарств. <...>

Приготовимся к вечности и к переходу в вечность, именуемому смертью, во время земной жизни, в этом преддверии к вечности. Земная жизнь есть не собственно жизнь, но непрестанная борьба между жизнью и смертью: попеременно мы уклоняемся то к той, то к другой, колеблемся между ими, оспариваемся ими. Если оценим справедливо то краткое мгновение, на которое мы поставлены здесь, на земле, сравниваемое с неизмеримою и величественною вечностью, то найдем только одно правильное употребление земной жизни. Употребляется она правильно, когда проводится в приготовлении к вечности. Так судит о земной жизни и

Слово Божие: *не бойся, малое стадо*, завещает Господь ученикам своим на время их земного странствования, *яко благоволит Отец ваш дати вам царство*. <...>

Воспоминание о смерти, о сопровождающих ее и о последующих ей страхах, воспоминание, сопряженное с усердной молитвою и плачем о себе, может заменить все подвиги, объять всю жизнь человека, доставить ему чистоту сердца, привлечь к нему благодать Святого Духа и тем даровать ему свободное вознесение на небо мимо воздушных властей.

Прежде нежели достигнем того молитвенного блаженного состояния, при котором ум непосредственно зрит предстоящую кончину и ужасается смерти, как должно твари ужасаться угрозы Творца, произнесенной вместе с заповедью, – полезно возбуждать в себе воспоминание о смерти посещением кладбища, посещением болящих, присутствием при кончине и погребении ближних, частым рассматриванием и обновлением в памяти различных современных смертей, слышанных и виденных нами. Сколько знакомых наших, любивших эту земную жизнь и пользовавшихся благоденствием в ней, надеявшихся долго жить и еще вовсе не старых, пожато смертью внезапно! Никто из них не мог сказать пришедшей смерти: «Подожди! Удались: я еще не хочу умирать!» Иные из них не успели в час смертный сделать никакого распоряжения, никакого приготовления.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти

Внезапная смерть

Страшное дело – смерть внезапная. Она есть меч гнева Божия за наши грехи. Это мы ясно видим из притчи о богатом и Лазаре. Богатый был корыстолюбив, раб плоти и прихотей. Он совершенно забыл о смерти, о бессмертии души и о Боге. Он прилепился умом своим и сердцем к благам земным и умер не как человек, верующий в Бога, но как нечестивый, потерявший всякую веру; не как человек, имеющий бессмертную душу, но как душою умерший; не как человек разумный, но как животное бессловесное. За все эти грехи богатый и умер, по определению Божию, смертью принужденной – внезапной. Что он умер не естественно, а его скосила, по повелению Божию, внезапная смерть, – это мы видим из той же притчи. В ней Сам Бог обличает нечестивого грешника и объявляет ему страшную казнь внезапной смерти: *Безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе* (Лк. 12, 20). При этом Господь открыл и причину такого страшного осуждения – порок лихоимства, беспечности, нерадения о своей душе и о конце земной жизни.

Да, пагубна для души нашей смерть внезапная! Ибо в каком состоянии застанет нас момент смерти, в таком мы останемся и пребудем вечно. По смерти же ни добродетельный не изменяется из добродетельного в порочного, ни грешник – из порочного в добродетельного. Подтверждает это и бо-

жественный Екклезиаст, говоря: *И аще падет древо на юг, и аще на север, на месте, идеже падет древо, тамо будет* (Еккл. 11, 3). Это значит: какого места достойным обрящется человек в час смерти своей, там и определяется и пребывает в бесконечные веки веков.

Мы, несчастные, постоянно согрешаем, и грех следует постоянно по пятам нашим. Одно время мы посвящаем многоядению и многопитию; другое – проводим в покое, беспечности, прихотях, остальное – жертвуем хищениям, неправдам, убийствам, враждам, притеснениям и гонениям братии! Когда мы не согрешаем? Поношения, клеветы, осуждение, ложь, сквернословие и празднословие не престают исходить из уст наших. Когда бываем мы непричастными гордости, славолюбию, гнусной мстительности и лукавому воображению? Почти что никогда! Грех всегда окружает нас, всегда представляет уды наши *в рабы нечистоте и беззаконию* (Рим. 6, 19).

Когда прежде смерти Человеколюбец Бог посылает на нас жестокую болезнь, тогда она, пришедши, возвещает нам, как бы другой Исаия, говоря: *Сия глаголет Господь: устрой о доме твоём, умираеши бо ты* (Ис. 38, 1). Как велегласная труба возглашает она: «Человек! Приготовляйся к будущей жизни». Чувствует тогда человек разлучение с миром, видит тогда, что бесполезны ему теперь и богатство, и слава, и премудрость, и вообще любые любые земные блага. Родственники и друзья больного призывают тогда духовного от-

да его, чтобы он мог раскаяться, плакать, обратиться к Богу, исповедать грехи свои и соединиться со Спасителем Иисусом Христом, через принятие Пречистого Тела и Крови Его. Без сомнения, тогда есть надежда, что таковой может спастись и остаться не на месте мучения, но на месте блаженства.

Но когда внезапно, как налетевший ураган, как вихрь, смерть похитит жизнь, когда человек, будучи в силах, здоров и предан греху, в одну минуту явится безгласен и бесчувствен, какая тогда может быть надежда ко спасению? Где тогда покаяние? Где исповедь? Где обращение? Ни сродник, ни друг, ни священник не могут помочь тогда, хотя бы и хотел кто, старался и усердно желал. Тогда вдруг придут немилосердные, истязующие душу несчастного. *В сию ночь душу твою истязуют от тебе* (Лк. 12, 20).

Смерть, без сомнения, неизбежна и страшна, и предотвратить или миновать ее в конце концов невозможно; но мы можем приготовить себя к ней, – устроить дела земные и приложить старание и попечение о душе своей. Освободившись от всех земных попечений, мы приготовим и облегчим душу свою покаянием, исповеданием грехов, освободимся от угрызений совести и прогоним от себя чрезмерный страх мучений и в Таинстве Причащения соединимся со Христом. Вследствие этого вселится в сердце наше упование на милость Божию, чаяние вечного покоя, надежда бессмертного Царствия, умеряющая и даже вовсе отъемлющая печаль о

разлучении с миром. Ничего не останемся тогда скорбного и страшного, кроме подвига разлучения души с телом. Ангелы милостивые и светлые окружают тогда нас и далеко прогонят полки бесовские. Они усладят горесть смерти, облегчат трудность ее, прогонят душевный страх, и, радуясь, возьмут душу нашу. Блажен тот, кто удостоится такой кончины, он тихо и кротко скажет с Давидом: *В мире вкупе усну и почию* (Пс. 4, 9).

Когда же случится с нами смерть нечаянная, внезапная, когда она застанет нас среди беззаконий наших, как она страшна будет для нас, как губительна! Увидим и почувствуем мы тогда, что повис над нами обнаженный меч ее, и мы сейчас, в одну секунду, отойдем в вечность. Желали бы мы тогда всей силой души, чувств и мыслей избежать этого, но побег уже невозможен. Хотели бы мы сделать распоряжения предсмертные о доме своем, но мысли наши помутятся, помышления исчезнут. Хотели бы покаяться, исповедать грехи свои пред священником, но язык наш не будет повиноваться нам, и самые уста сомкнутся, и мы горько почувствуем, что умираем во грехах и уготованы диаволу и ангелам его.

Это причинит нам страшные мучения, ужас и совершенное отчаяние. Бесы мрачные и немилостивые, обличая деяния наши и истязуя душу нашу, будут терзать нас. Наконец душа наша в невыразимых мучениях разлучится с телом, — похитится насильственно. Горе тому человеку, который таким образом окончит жизнь свою, ибо это и есть та самая

смерть, о которой святой пророк Давид сказал: *смерть грешников люта* (Пс. 33, 22).

Мы, люди, не только не знаем о времени нашей смерти, но не знаем и о том, какова будет наша кончина: кроткою ли и смиренною она придет к нам или лютою и зверскою. Предупредит ли она нас какими-либо знамениями или постигнет, как тать в ночи. Даст ли она нам некоторое время на раскаяние или мгновенно похитит нас во всех беззакониях наших? Ничто не известно нам. Для чего же такая неизвестность, такое неведение о часе смертном и об образе его? Но так устроил человеколюбивый Бог, ради нашего спасения, именно потому, что незнание часа смертного рождает страх, страх – воздержание, а воздержание пресекает случай ко греху и падению.

Далее, незнание о часе смертном производит внимание; а внимание – желание, которое бывает первою причиною добродетели. Оставлено для нас в неизвестности, добрая или лютая будет кончина наша для того, чтобы страшиться, чтобы избегать греха, и, отстраняясь от пороков, более и более преуспевать в добродетели. Поэтому приготовимся к вечности и к переходу в вечность, именуемому смертью, во время земной жизни, в этом преддверии вечности.

Земная жизнь не есть собственно жизнь, но непрестанная борьба между жизнью и смертью, и мы колеблемся между ними, постоянно уклоняясь то к той, то к другой, оспариваемся ими. Если оценим должным образом то краткое мгно-

вание, на которое мы поставлены здесь, на земле, сравнив его с неизмеримою и величественною вечностью, то найдем, что только правильное употребление земной жизни, т. е. приготовление к вечности, будет для нас полезно (Вечные загробные тайны. Изд. Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне).

Архим. Пантелеимон. Тайны загробной жизни

Важность поминовения усопших

Святая Православная Церковь, как попечительная мать, заботится о своих чадах, при жизни испрашивает им у Бога здоровья, во всем благопоспешества и оставления грехов и по смерти возносит о них частые моления к Богу, например, на полунощнице, утрени, вечерни и повечерии она просит о прощении грехов и упокоении их со святыми.

Но особенно на Божественной Литургии Святая Церковь вопиет к Богу за умерших, твердо веруя, что Честною Кровию Божественного Искупителя нашего Господа Иисуса Христа отмываются грехи всех поминавшихся за Литургией. Это поминовение преимущественно важно в течение первых сорока дней по кончине, потому что в сороковой день издается определение Божие о душе, решающее участь ее до Страшного Суда. Потому-то и советуется служить и заказывать о скончавшихся «сорокоусты». Польза, важность и сила этого поминовения засвидетельствована многими примерами не только в житиях святых, но и в устных и письменных сообщениях от начала христианства и до настоящего времени.

Однажды великий подвижник св. Макарий Египетский, идя в пустыне, увидел человеческий череп на дороге. «Когда я, – говорит он, – дотронулся до черепа пальмовою палкою, то он что-то сказал мне. Я спросил его:

– Кто ты?

Череп отозвался:

– Я был начальником языческих жрецов.

– Каково вам, язычникам, на том свете? – спросил Макарий.

– Мы в огне, – отвечал череп, – пламя охватывает нас с ног до головы, и мы не видим друг друга; но когда ты молишься о нас, тогда мы начинаем видеть несколько один другого, и это доставляет нам отраду» (Христианское чтение. Ч. 2. 1821).

* * *

Святой Григорий Двоеслов рассказывает такой случай. Один брат, бывший в его монастыре, за нарушение обета нестяжания, в страх другим, лишен был по смерти церковного погребения и молитвы в продолжение тридцати дней, а потом из сострадания к его душе тридцать дней приносима была за него Бескровная Жертва с молитвою. В последний из этих дней усопший явился в видении оставшемуся в живых родному брату своему и сказал: «Доселе я жестоко страдал, теперь же мне хорошо, и я нахожусь во свете, ибо сегодня вступил в общение». Таким образом, через спасительную Бескровную Жертву усопший брат избежал наказания (Собеседования Григория Двоеслова. Кн. 4, гл. 55).

* * *

Во время жизни преподобного Венедикта, — рассказывает св. Григорий Двоеслов, — были две постницы, которые, славясь святостию жизни, имели несчастную страсть говорить много, и много ложного и вредного. Святой старец умолял их удерживать свой язык и за непослушание угрожал им даже отлучением от Церкви. Но страсть ко лжи так укоренилась, что и угроза не остановила их. Спустя несколько дней они умерли.

Погребены они были в церкви. Когда диакон во время Литургии возглашал: «Оглашении, изыдите», — они, как отлученные, выходили вон из церкви, что видели некоторые благочестивые из христиан. Когда сообщили об этом преподобному Венедикту, то святой муж послал в церковь, где они были погребены, просфору, приказав вынуть из нее часть за упокой душ их и поминать их. После этого уже никто не видел, чтобы они выходили из церкви, и верные поняли, что молитвы умилиствовали Бога, и они получили от Него прощение (Собеседования Григория Двоеслова. Кн. 2, гл. 23).

* * *

В «Прологе» повествуется, что у блаженного Луки был

родной брат, который и по вступлении в монашеский чин мало заботился о душе своей. В состоянии такой беспечности постигла его смерть. Блаженный Лука, скорбя, что брат его не приготовился как должно к смерти, молил Бога открыть его участь.

Однажды видит старец душу брата во власти злых духов и тотчас после видения посылает осмотреть келью его. Посланные нашли там деньги и вещи, из чего старец уразумел, что душа его брата страдает, между прочим, за нарушение обета нестяжания. Все найденное старец раздал нищим за упокой души его.

После, во время молитвы, старцу открылось в видении судилище: Ангелы света спорят с духами злобы о душе усопшего брата. Старец слышит вопль злых духов: «Душа наша, она творила дела наши!». Но Ангелы говорят им, что она избавляется от их власти милостынею, розданною за нее. На это духи злобы возразили: «Разве усопший раздал милостыню? Не этот ли старец?» – и указали на блаженного Луку. Подвижник отвечал: «Да, я сотворил милостыню, но не за себя, а за сию душу». Поруганные духи, услышав ответ старца, рассеялись, и старец, успокоенный видением, перестал скорбеть об участи брата (Пролог, 12 августа).

* * *

В житии преподобной игумении Афанасии мы находим

следующее повествование. Игуменья Афанасия перед смертью своей завещала сестрам своего монастыря кормить нищих в память ее до сорока дней. Между тем сестры приглашали нищих лишь десять дней, а затем, по нерадению, не исполнили завещания своей бывшей начальницы. И что же? Игуменья Афанасия явилась сестрам, говоря: «Да будет всем известно, что творимые до сорока дней за душу усопшего милостыни и питание алчущих умилоствуют Бога. Если грешны души усопших, то через это они получают от Господа отпущение грехов; а если праведны, то благотворительность за них служит ко спасению благотворителям» (Четьи-Минеи, 12 апреля).

* * *

Много есть примеров, из которых видно, что усопшие ожидают молитв за себя, являясь во сне или в бодрственном состоянии, просят о них, показывая это в различных знамениях или образах.

Так св. Григорий Двоеслов рассказывает, что некий пресвитер имел обычай мыться в теплицах. Однажды, придя в баню, он застал там какого-то незнакомого ему мужа, который стал ему помогать раздеться. Незнакомец снял с пресвитера сапоги и взял его одежду на хранение. Когда пресвитер вышел из бани, то он подал ему полотно отереть пот, помог ему одеться, и все это делал с великим почтением.

Так повторялось несколько раз, то есть пресвитер этот приходил в баню, встречал незнакомого человека, который молча делал ему услужение. Желая выразить благодарность за усердие, пресвитер однажды, идя в баню, взял с собою две просфоры, чтобы дать их незнакомцу; и вот, по обыкновению, он встретил его. Затем, когда выходил из бани, просил принять просфоры в знак любви к нему.

Незнакомец с плачем сказал ему: «Для чего даешь их мне, отче? Это святой хлеб, я не могу вкушать его. Ты видишь пред собой бывшего некогда владельца этого места, но за грехи мои я осужден на служение здесь после смерти. Если же хочешь наградить меня, принеси этот хлеб за грехи мои в жертву Всемогущему Богу. И когда придешь сюда мыться и не найдешь меня, знай, что молитва твоя услышана Богом». Сказав это, незнакомец мгновенно стал невидим.

Тогда пресвитер понял, что незнакомый человек, доселе являвшийся в баню для услуги ему, был дух. Пресвитер провел по нем целую неделю в слезах и молитвах о прощении его грехов, принося каждый день бескровную жертву. Через неделю он пришел снова в баню, и уже более не нашел здесь незнакомца, и после никогда не встречал его (Собеседования Григория Двоеслова. Кн. 4, гл. 55).

Просьба умерших о поминовении их и благодарность за молитвы живых

«Возвратясь от заутрени в первый день Пасхи, – передает А. Т. Б., – я легла спать и едва забылась, как у самого изголовья услышала, что кто-то горько плачет. Сердце сжалось у меня от жалости; боясь открыть глаза, я робко спросила: “Надя, это ты, моя родная?” – и страшилась услышать ответ, ибо мне пришло в голову, что, может быть, сестра моя Надя, давно скончавшаяся, не получив блаженства в вечной жизни, явилась мне для испрашивания молитвы, но на мой вопрос нежным грустным девичьим голосом, дрожащим от рыдания, послышался ответ:

– Нет, я не Надя.

– Кто же вы? – спросила я. – Скажите, что вам нужно? Я все сделаю.

Тогда рыдания усилились, и плачущая отвечала:

– Я Варвара Н. Ради Бога, помолитесь обо мне, помяните меня за Литургией!

Я обещалась, и рыдания утихли. Я открыла глаза, в комнате уже было светло, и никого не было.

Когда приехали к нам родственники В. Н., я спросила зятя мужа моего, как звали его сестру, скончавшуюся недавно в Москве? Он отвечал: “Варварой Николаевной”. Тогда я передала мое видение. Он был поражен рассказом и немедленно

но озаботился о поминовении сестры своей» (Душеполезные размышления. 1882. № 5).

* * *

«Моя племянница Юленька живет у нас уже семь лет, — рассказывает г-жа Д. — Я взяла ее трехлетним ребенком тотчас после смерти ее матери, а моей сестры. Теперь ей минуло десять лет. До последнего времени она была девочка здоровая и веселая и хорошо училась. Раз утром она говорит мне: “Тетя, я видела во сне мою мамашу, она обещала прийти ко мне наяву, и сказала, чтоб я не боялась ее”.

Три дня спустя, тоже утром, Юля твердила урок из географии. Вдруг она встала и пошла по направлению к двери, как бы к кому-то навстречу, сказав при этом: “Мамаша пришла”. Затем протянула руку и подняла голову, как бы для получения чьего-то поцелуя, и села на стул рядом с другим, на который, как нам сказала, присела ее мать.

Потом Юля говорила, что мать велела передать мне то-то и то-то. При этом заговорила о таких вещах, которые были ей совершенно неизвестны, а главное — недоступны в ее лета. Например, она рассказала факты из прошлого, известные только покойной сестре и мне, и передавала такие рассуждения от ее имени, каких ни один десятилетний ребенок не только не мог бы придумать, но даже и передать с толком. Впоследствии мы вели с покойной сестрою через Юлю

целые разговоры. Явления эти повторялись часто в продолжении целых шести месяцев, и мы совершенно привыкли к ним. Одно место в зале было, по-видимому, любимым у посетительницы из загробного мира – на него она обыкновенно садилась и начинала разговор с дочерью.

“Скажи тете, – сказала она однажды, – что я могла бы сделаться видимою и для нее, но она не вынесет и может заболеть, потому-то я и говорю с нею через тебя: дети меньше нас боятся, чем взрослые”. Очень часто она просила молиться о ней и как-то раз даже заказала отслужить по ней заупокойную обедню и панихиду.

Мы все тогда отправились в церковь. Наш священник уже привык к нашим рассказам и перестал им дивиться. Только что началась обедня, как Юленька сказала: “Вот и мамаша пришла со своей подругой”, – и при этом она пошла к кому-то, для нас невидимому, навстречу, с кем-то поздоровалась и, вернувшись на свое место, прибавила: “Они обе стали на колени пред царскими вратами”. В начале панихиды Юленька сообщила: “Мамаша сказала, что ей не такую надо панихиду, а сугубую”. Я подошла к священнику и повторила ему просьбу покойницы, причем спросила, действительно ли есть сугубая панихида. “Так она не называется, – сказал священник, – но все равно я понимаю, что вам нужно, – это очень пространная заупокойная служба, отправляемая больше по монастырям. Хорошо, я отслужу такую”.

Когда запели “Со святыми упокой”, Юленька сказала:

“Мамаша плачет, молится и говорит: куда уже мне со святыми, хотя бы немного успокоиться”.

В одно из своих явлений она сказала Юленьке: “Отец твой скоро женится, но ты не пугайся, мачеха твоя будет добрая и очень тебя полюбит; даже оставит в наследство тебе все свое состояние”. Предсказание это исполнилось буквально.

По прошествии шести месяцев она объявила, что миссия ее окончена и она более приходить не будет. Под конец своих посещений сестра приходила с одной приятельницей, тоже умершей, совсем неизвестной Юле, но хорошо знакомой мне, и от той я не раз получала привет, все через Юленьку. Сестра постоянно просила меня молиться за нее, хотя до той поры мы, откровенно сказать, были не особенно богомольны, а тут по просьбе сестры стали очень часто ходить в церковь» (Ребус. 1884. № 41).

* * *

Архимандрит Симеон, живя в Екатеринославе, был дружен с одним благородным семейством. Отец этой семьи умер в феврале 1844 года. В это время о. Симеон уже служил в Воронеже. В числе осиротевшей семьи была дочь Любовь, которая страдала чахоткою. 6 августа того же года больная приобщилась Св. Таин, не снимая с себя траура. Мать заметила ей, зачем она ради причастия не сняла с себя траура, на что она ответила: «Я 15-го числа наряжусь». И действительно-

но, в день Успения Божией Матери она надела на себя полное венчальное убранство, послала за священником и снова приобщилась Св. Таин. Потом попросила читать ей отходные молитвы, и во время чтения их, обращаясь к умершему отцу своему, как бы явившемуся ей, сказала: «Папенька, милый папенька, подождите». С последним словом отходной улетела душа ее.

В тот же день и час, когда она умерла в Екатеринославе, о. Симеон увидел в Воронеже наяву отца скончавшейся девицы, который сказал ему: «Вам в Екатеринославе надо утешить скорбных, а Любонька со мною, но вы и нас не забывайте» (Монастырские письма. 1884. П. 17).

* * *

2 июля 1893 года к преосвященному Мартиниану, епископу Таврическому и Симферопольскому, явились настоятель Петропавловской церкви о. Димитрий Койко и один из местной интеллигенции, человек с высшим образованием. Они рассказали владыке о следующем.

В ночь на 30 июня означенному лицу приснился сон, что к нему подошел какой-то офицер с окровавленной повязкой на голове и просил его передать священнику Петропавловской церкви вопрос, почему тот не молится за него, а равно не молится тем угодникам Божиим, мощи которых находятся в пожертвованной им иконе, причем прибавил, что 20

июля, на Илию, образу этому исполнится двести лет. Видевший сон немедленно утром отправился к настоятелю Петропавловской церкви и сообщил ему свое сновидение. На это о. Димитрий заметил, что в церкви нет двухсотлетней иконы, так как самая церковь существует лишь с 1805 года, а равно нет икон с частицами мощей, но что его удивляет явление офицера во сне, так как в церкви есть икона, которую, как рассказывал ему предшественник его, протоиерей Руднев, ныне уже умерший, во время Крымской кампании привез какой-то офицер и оставил в церкви с условием, что если он возвратится из Севастополя, то возьмет икону обратно, если же не возвратится, то жертвует ее в храм.

Неизвестный офицер не возвратился, и икона осталась в церкви. Это совпадение побудило о. Димитрия Койко осмотреть эту святыню, причем о. Димитрий, как лицу, передававшему сон, так впоследствии и владыке, засвидетельствовал, что, состоя четырнадцать лет при церкви, он ни разу не открывал того образа. Немедленно послали за диаконом, и все три лица отправились в церковь для осмотра иконы.

Икона представляла кипарисную доску, на которой старинной живописью изображена Пресвятая Троица, а также лики нескольких угодников. В особом углублении помещался серебряный крест. Когда его с большим трудом вынули, то оказалось, что он раздвигается и в середине его находятся частицы мощей св. Лазаря, св. великомученика Феодора Стратилата, св. апостола и евангелиста Луки и св. первому-

ченика и архидиакона Стефана.

Надписи указывали, что тут были еще и другие частицы, в том числе первомученицы Феклы. Но осматривающих ждало еще большее удивление: внизу креста чуть заметной вязью стояла вырезанная надпись, гласившая: 7201 год от сотворения мира, а следовательно, иконе исполнилось двести лет. Когда об этом было доложено преосвященному Мартиниану, то владыка сделал распоряжение, чтобы в этой церкви ежедневно были совершаемы заупокойные ектении о воинах, павших на поле брани за Веру, Царя и Отечество (Свет. 1893).

* * *

В одном приходе по случаю смерти священника место его занято было другим. Но, к прискорбию прихожан, вновь назначенный иерей через несколько дней после первого богослужения, совершенного им в церкви, отошел в вечность.

Назначен был новый священник. По приезде в приход он вступил в должность и в первый же воскресный день отправился в церковь для богослужения. Войдя в алтарь, священник невольно был страшно поражен: вблизи престола стоял незнакомый ему священник в полном облачении, но скованный по рукам и ногам железными цепями. Не понимая, что это значит, новый священнослужитель, однако, не потерял духа и приступил к совершению Божественной литургии.

Лишь только окончена была служба, к новому удивлению служившего обедню, привидение исчезло. Священнодействовавший иерей понял, что виденный им священник есть обитатель загробного мира; но что означало необычайное явление его в таком устрашающем виде, не мог разгадать. Одно только заметил: что незнакомый ему узник и собрат, в продолжение всей службы, не вымолвил ни слова, и только, время от времени приподнимая скованные руки, указывал на одно место в алтаре, на котором, по-видимому, ничего особенного не было. То же самое повторилось и в следующую службу, с той лишь разницей, что новый священник по входе в алтарь прежде всего обратил внимание на то место, на которое указывало привидение. В углу на полу, поблизости от жертвенника, он заметил старый небольшой мешок. Когда он развязал его, то нашел в нем немалое число записок с именами умерших и живых лиц, какие обыкновенно подаются для поминовения на проскомидии. Как бы по внушению свыше священник понял, что записки эти при жизни стоявшего тут скованным собрата его, бывшего настоятелем этой же церкви, вероятно, остались не прочитанными им в свое время. Посему, начав службу, он первым долгом помянул на проскомидии имена живых и умерших, сколько было их в записках, и тут же увидел, какую важную услугу он оказал загробному обитателю, ибо едва только успел окончить чтение поминальных записок, как железные оковы в одно мгновение спали с рук и ног узника, а сам он подошел

к служащему священнику и, не говоря ни слова, поклонился ему в ноги (Странник. 1867. Т. 1).

* * *

У секретаря Тверского приказа общественного призрения Селинина в 1850 году скоропостижно скончался родитель его, дьячок одной сельской церкви. Сын, узнав о кончине отца, впал в сильную тоску. Долго тяготила она его сердце. Но спустя год по смерти родителя своего, побывав в родном селе, Селинин несколько утешился, особенно тем, как сказывал сам, что видел могилу отца близ самого клироса, на котором певал покойник. Однако беспокойные думы о загробной участи покойного родителя не покидали его до тех пор, пока не явился ему отец во сне.

Однажды в Духов день, у обедни, он особенно усердно молился за отца, и в ту же ночь ему приснился покойный, который, подойдя, поклонился в ноги. «Помилуйте, батюшка, за что вы кланяетесь в ноги сыну своему?» – спросил Селинин. Но тот, не отвечая, поклонился второй и третий раз и потом уже сказал: «Спасибо, любезный сын, что ты меня не оставляешь», – и сделался невидим. (Странник. 1864).

28 февраля 1831 года скончался в Москве генерал от инфантерии Степан Степанович Апраксин. В молодых годах он коротко познакомился с князем Василием Владимировичем Долгоруковым. Оба они служили в одном полку: первый – в чине полковника, второй – майора. Долгоруков умер в 1789 году в совершенной бедности, так что не было средств похоронить его. Друг его Степан Степанович Апраксин устроил на свой счет погребение и поминовение князя; казалось, он отдал последний долг, как родному брату.

На третий день после похорон умерший Долгоруков явился к своему благодетелю. Таинственный гость предсказал сердобольному другу долгую и благополучную жизнь на земле и обещал явиться незадолго до его кончины. После того Апраксин был особенно внимателен к нуждам бедных и радовался всякий раз, когда представлялся ему случай к благотворительности.

Прошло сорок два года, и, верный своему обещанию, князь Долгоруков вторично посетил старца-генерала. Прежде всего князь напомнил о себе и о том благодеянии, какое ему было оказано много лет тому назад, потом увещевал своего друга готовиться к смерти через двадцать дней, обещал еще раз посетить его за три дня до кончины и вышел из комнаты. Апраксин поверил словам загробного вестника:

исповадался, причастился и освятился елеем. За три дня до смерти он пригласил к себе на ночь одного своего друга. В одиннадцать часов ночи явился Долгоруков и вступил в беседу с Апраксиным. Присутствовавший друг после рассказывал многим, что во время разговора Апраксина с Долгоруковым он ощущал невольный страх, хотя явившегося князя не видел, но голос его слышал. Через три дня Апраксин скончался (Душеполезное чтение. 1867. Ч. 1).

* * *

«В стране моей, – говорит блаженный Кир-Лука, – умер князь и был погребен, как должно. Однажды, проходя мимо кладбища, я увидел стоящего у одной могилы человека, черного, как потухший уголь. Он звал меня к себе. Я подошел и вот что услышал: «Я написал в завещании моем раздать бедным оставленные деньги за спасение моей души, и это завещание мое не исполнено до сих пор. Скажи, чтобы раздали непременно, а иначе я останусь навсегда в том положении, в каком ты меня видишь» (Пролог, 24 августа).

* * *

Плиний Младший рассказывает, что в Афинах был очень красивый дом, в котором, однако, никто не жил, так как в

нем являлось привидение. Однажды в этот город прибыл философ Афинагор и узнав, что указанный дом продается очень дешево, купил его и переехал жить. В первую же ночь, когда Афинагор, по обыкновению, читал и писал, вдруг раздалось бряцание как бы железа и потом явился старик, скованный цепями. Старик подошел к Афинагору, но тот не обратил на него внимания, продолжая писать. Привидение сделало знак, чтобы Афинагор следовал за ним, но философ, со своей стороны, сделал ему знак, чтобы явившийся обождал, и по-прежнему продолжал писать. Потом взял свечу и последовал за явившимся стариком.

Вышли на двор, и здесь вдруг в одном месте привидение исчезло в землю. Афинагор, нисколько не испугавшись, заметил это место, вырвав немного травы. На другой день он известил о случившемся городские власти. Когда начали рыть в указанном месте землю, открыли кости скованного цепями человека. Кости преданы были обычному погребению, и в дом с тех пор старик в цепях больше не являлся (Душеполезные размышления. 1883).

* * *

Один священник с особенным усердием поминал за Литургией покойников, так что если кто раз подал ему записку о поминовении, он выписывал имена усопших в свой синодик и, не говоря о том подававшему, поминал всю жизнь. При

соблюдении этого правила у него составилась синодик с таким многотысячным перечнем имен, что пришлось ему разделить его на отделы и поминать по очереди.

Случилось, что он впал в какую-то погрешность, так что ему угрожало устранение от прихода. Дело было передано Московскому митрополиту Филарету, и когда преосвященный уже собирался наложить резолюцию об устранении его, вдруг почувствовал какую-то тяжесть в руке. Митрополит отложил подписание до следующего дня. Ночью он видит сон: перед окнами собралась толпа народа разного звания и возраста. Толпа о чем-то громко толкует и обращается с какою-то просьбою к митрополиту.

– Что вам нужно от меня? – спрашивает архипастырь. – И что вы за просители?

– Мы отшедшие души и явились к тебе с просьбой: оставь нам священника и не отстраняй его от прихода.

Впечатление от этого сновидения так было велико, что Филарет не мог отделаться от него по пробуждении и велел позвать к себе священника. Когда тот явился, митрополит спросил его:

– Какие ты имеешь за собою добрые дела? Открой мне.

– Никаких, владыко, – отвечал священник, – достоин наказания.

– Поминаешь ли ты усопших? – спросил его митрополит.

– Как же, владыко, у меня правило: кто подаст раз записку, я уже постоянно на проскомидии вынимаю частички о них,

так что прихожане ропщут, что у меня проскомидия длиннее Литургии, но я уже иначе не могу.

Преосвященный ограничился переводом священника в другой приход, объяснив ему, кто был ходатаем за него (Странник. 1862, май).

* * *

Один из афонских подвижников открыл святогорцу, известному отцу Серафиму, следующее: «Причиной моего вступления в монашество было видение во сне загробной участи грешников. После двухмесячной болезни я пришел в сильное изнеможение. В этом состоянии я вижу двух юношей, вошедших ко мне. Они взяли меня за руки и сказали: «Следуй за нами!» Я, не чувствуя болезни, встал, оглянулся на свою постель и увидел, что тело мое лежало спокойно на постели. Тогда я понял, что оставил земную жизнь и должен явиться в загробный мир.

В лице юношей я узнал Ангелов, с которыми и отправился. Мне показаны были огненные места мучений; слышал я там вопли страдальцев. Ангелы, показывая мне, за какой грех какое назначено огненное место, прибавили: «Если и ты не бросишь своих привычек к греховной жизни, то – вот и твое место наказания!»

Затем один из Ангелов восхитил из пламени одного человека, который был черен, как уголь, весь обгорел и с ног до

головы окован. Тогда оба Ангела приступили к страдальцу, сняли с него оковы – и вместе с ними исчезла вся его чернота: он стал чист и светел, как ангел. Потом Ангелы облекли его в блестящее одеяние, подобное свету.

«Что значит это изменение сего человека?» – решился я спросить Ангелов. «Это грешная душа, – отвечали Ангелы, – была отлучена от Бога за свои грехи и должна была вечно гореть в этом пламени; между тем родители этой души подавали много милостыни, делали частые поминовения за Литургиями, отправляли панихиды, и вот ради родительских молитв и молитв Святой Церкви, Бог умилился, и грешной душе даровано совершенное прощение. Она избавлена от вечного мучения и теперь предстанет пред лице своего Господа и будет радоваться со всеми Его святыми».

Когда видение кончилось, я пришел в себя и что же увидел? Вокруг меня стояли и плакали, приготавливая тело мое к погребению» (Странник. 1862, май).

Архим. Пантелеимон. Тайны загробной жизни

Попечение Православной Церкви об усопших

Церковь сопровождает христианина своими молитвами в продолжение всей земной жизни его, и это служит достаточным побуждением для нее не оставлять его своими попечениями и перед смертью, и по смерти.

Каждый знает, что Православная Церковь напутствует чад своих в загробную жизнь покаянием, причащением и елеосвящением и, кроме того, в минуты разлучения души с телом совершает над ним *молебное пение на исход души*. Располагая умирающего к упованию на милосердие Божие и спасение, священник, приходя к нему, дает ему лобзать крест и полагает это орудие искупительной смерти Спасителя или иной образ пред глазами отходящего, затем от лица Церкви молит Господа ради спасительных страстей, претерпенных Им, избавить душу умирающего от вечной смерти, разрешить ее от грехов и облегчить переход ее в жизнь бесконечную; а указанием на умирающего, оставляющего все земное, поучает окружающих его помнить о смерти и не забываться среди земных сует и удовольствий. *«Бедную и грозную и жития человеческого скоро исчезающую красоту в брате ныне представляющемуся, яко в зеркале, еси видяше,*

смерть всегда поминаем»³. Последование на исход души состоит из канона и молитв. В каноне, исполненном высоко-го умиления, Церковь от лица страдающего и умирающего изображает всю немощь грешника, готового покинуть мир, и призывает ближних к смертному одру. *«Приидите, соберитесь еси и восплачете о душе. Ныне убо время моего живота, яко дым, претече. Се предсташа множество лукавых духов, держаше моих грехов написание. К кому возопию, кто мой плач от болезни примет и сердца воздыхание; токмо Ты, Пренепорочная, надежда христиан. Добриши мои друзи и знаемиши, почто не плачете, почто не рыдаете! Возлюбленная моя братия! зряще моя деяния, обличаема мерилом праведным, Христа всех Бога молитве, милостива быти мне. Увы, мне, блудному, увy, мне, окаянному, яко руце простираю к моим другом и слезы от очию проливаю, но никто же милуй мя»*. Призывает Ангелов Хранителей, да избавят умирающего «от мытарств всех лукавых», т. е. демонов. Вера в приближение Ангелов и демонов к душе человека в момент разлучения ее с телом издревле была присуща Православной Церкви. «При разлучении души нашей с телом, – говорит Кирилл Александрийский, – предстанут пред нами, с одной стороны, воинство и силы небесные, с другой – власти тьмы, злые миродержатели, воздушные мытареначальники, истязатели и обличители наших дел. Узрев их, душа возмутится, содрогнется, вострепещет, в смятении и ужасе будет

³ По требнику Петра Могилы.

искать себе защиты у Ангелов Божиих, но, и будучи принята святыми Ангелами, и под покровом их протекая воздушное пространство, и возносяся на высоту, она встретит различные мытарства (как бы некие заставы или таможни, на которых взыскиваются пошлыны); они будут преграждать ей путь в царствие, будут останавливать и удерживать ее стремление к нему»⁴. Как любящая мать, Святая Церковь заботится о том, чтобы своими молитвами защитить душу умирающего от козней диавола, в мире разрешить ее от уз земных и доставить ей покой со святыми. Мы приведем здесь в стихотворном переложении некоторые из песней в высшей степени умилительного канона.

Песнь 1

Подобно каплям дождевым,
Мои дни, быстро истекая
И жизнь страданьем проникая,
Уже течением своим
К концу приходят...
О, благая Владычица, спаси!
Твоей сердечной добротой,
Твоей щедротою всечастной
Подвигнись, кроткая; в ужасный
Последний час мой предо мною,
Предстань помощницей всевластной!
Всю душу мне наполнил страх...

⁴ Из «Слова о исходе души», см. Следованную Псалтирь.

О, что за трепет и томленье,
Невыразимое мученье —
Души покинуть бедный прах.
Пошли, пошли мне утешенье!
Приди, Заступнице людей,
Надеждо грешников скорбящих,
Утешь в мучениях томящих,
Избави милостью Твоей
От стаи демонов грозящих!
Вот время помощи благой,
Вот ныне время заступленья,
Вот то, Владычице, мгновенье,
О коем день и ночь с мольбой
Я припадал к Тебе в смиреньи!

Песнь 4

Прими, Благая, скорбь мою;
Да будут слезы омовеньем
Моим безмерным согрешеньям...
Надежда крепкая, молю,
Сойди пред огненным мученьем!
О, верный, истинный Покров
Души скорбящей и смиренной,
Будь мне заступницей священной,
Надеждо всех Твоих рабов,
В час испытания вселенной!
Святые руки вознеси,
И обо мне моляся ныне,

Простри как крылья голубине,
И от врагов меня спаси
Покровом царственной святыни,
Да не коснется мне в пути
Воздушной области властитель,
Суровый, злобный обличитель:
Весь путь свободно мне пройти
Сподоби в райскую обитель!
Вот страх, Владычице, меня
Постиг, исполненный томленья,
Вот подвиг тяжкого мученья:
Дай помощь, Радосте моя,
Явись надеждою спасенья!

Песнь 5

О, не забудь меня в сей час,
Не отвори благого взгляда,
Услышь, как Матерь, скорби чада,
Внемли души предсмертный глас,
Избавь ее от муки ада!..
О, братья, сродники, друзья
И все знакомые, придите,
Меня еще раз окружите,
Вот разлучаюсь с вами я:
Вздыхните, плачьте и скорбите...
Избавить некому! весь свет
Не подкрепит души унылой!
Но Ты, Владычице, помилуй,

Чтоб я, беспомощный средь бед,
Не взят был демонскою силой!..
Святые Ангелы мои,
Предстаньте Господу в смиреньи
И, преклонившись в умиленьи,
Воскликните: Господь любви,
Не отвергай Свое творенье!
Пречистой Матери Его
Молитесь сердцем и слезами,
Да преклонит колена с вами
И тронет Сына Своего:
Она, как Мать, сильна мольбами.

Песнь 9

О, как Незримого узрю?..
Как устою пред сим виденьем?..
И как своим нечистым зреньем
Я на Владыку посмотрю,
Кому был вечно огорченьем?
Услышь смиренного меня,
О Приснодева – Богомати!
Приди последний вздох прияти
И муки вечного огня
Меня избавь по благодати.
Святые храмы презирав
И покидая храм свой бренный,
Тебя, о Божий Храм нетленный,
Мой дух зовет: избавь, избавь

От вечной тьмы и мук геены!
Конец мой близко... Как страшусь,
Дела и мысли вспоминая!
Как совесть мучит угрызая!
Но Ты, из милости, молюсь,
Будь мне заступницей, Благая!
Нам грешным дав, как благодать,
Сын Божий, Царь всего творенья,
Тобой рожденный без истленья:
Моли Его – мой дух воззвать
Из мук предсмертного томленья!⁵

По разлучении души с телом тотчас же тело почившего *омывают*, как имеющее воскреснуть и предстать лицу Божию в чистоте и непорочности. Основанием благочестивого обычая омыwać тела умерших служит для христиан пример Спасителя, пречистое тело Которого по снятии со Креста было омыто, и пример христиан времен апостольских (см.: Деян. 9, 37).

Потом почившего *одевают* в новую белую одежду или в одежду звания и должности. Чистые белые одежды, в которые облечен усопший, знаменуют то, что он приготовился предстать суду Божию и желает остаться на этом суде чистым, убеленным пречистою кровию закланного за нас Агнца Божия, желает быть причисленным к тому *народу* *многому*, *егоже изчести никто же может, от всякого языка и*

⁵ Митрополит Евхаитский. Творение блаженного Иоанна.

колена, и людей и племен, стоящему пред престолом и пред Агнцем, облеченны в ризы белы, как видел это тайнозритель Иоанн Богослов (Откр. 7, 9).

В одежду звания или должности облачают почившего во свидетельство веры нашей в воскресение мертвых, и будущий Суд, на котором каждый из нас даст Богу ответ в том, как пребывал в звании, в которое призван был.

Омытое и облаченное тело или, по требнику, «мощи» умершего *полагаются* во гроб, который предварительно окропляется изнутри и совне святой водой в ознаменование того, что это домовище, в котором тело усопшего будет покоиться до Второго пришествия Христова, освящено благодатию Христовой и служит достойным вместилищем того, кто веровал в Господа Иисуса и любил Его всем сердцем.

На тело и гроб покойника возлагается *светлый церковный покров* в знамение того, что «усопший верен, свят и находится под покровом Христовым», как выражается Симеон Солунский, и в знак того, что смерть для христианина есть сон, что усопший пробудится некогда от этого сна к новой нестареющей жизни, подобно тому, как мы встаем от сна обыкновенного и снимаем с себя покров ночной.

Почивший полагается во гробе, по древнему апостольскому преданию, *лица горе*, с глазами закрытыми, как спящий, устами сомкнутыми, как умолкший, и руками крестообразно на персях сложенными, в знамение того, что усопший верует во Христа распятого, воскресшего и вознесшегося на небеса

и имеющего воскресить и умершего, и как верный раб ожидает Грядущего с небес судить живых и мертвых.

На *чело* почившего *возлагается венчик* с изображением Спасителя, Божией Матери и святого Иоанна Предтечи, а на холодные и согбенные перси умершего *полагается святая икона или Крест Христов*. Венчик говорит о том, что христианин, лежащий во гробе, с честью оставил поле брани с плотью, миром и диаволом, и потому можно надеяться, получит за свои подвиги венец от Бога (см.: 2 Тим. 4, 7–8), по милосердию Спасителя, по ходатайству Божией Матери и Крестителя Господня; а святая икона или крест, полагаемые на перси, служат не только очистительным знаком того, что умерший был православный христианин, но и говорят окружающим гроб о необходимости иметь святую веру в Спасителя нашего Иисуса Христа и ходатайство святых для получения Царствия Небесного⁶.

В первенствующей Церкви был еще обычай, кроме креста и иконы, полагать с умершими, для прославления их и для сохранения памяти о них, различные вещи: знаки их достоинства, орудия их мученичества, эпитафии или, по крайней мере, имя, медали, лавровые или другого какого-нибудь дерева зеленые листья⁷ и т. д.

При гробе *горят светильники*, а равно *зажигаются* всякий раз всеми присутствующими при панихиде, когда она

⁶ См.: Слово преосвящен. Иннокентия на день Симеона Богоприимца.

⁷ *Аббат Флери*. *Meures des Chretiens*. N. 311.

совершается по усопшем. Эти светильники означают, что лежащий во гробе перешел от темного этого жития в страну света и блаженства, где сияет вечное солнце правды – Христос Бог наш, где праведницы просветятся, яко солнце, в царствии Отца их⁸.

Так как, по учению нашей Православной Церкви⁹, душа проходит страшные мытарства в то время, когда тело лежит бездыханно и мертво, то, без сомнения, в это время она имеет великую нужду в помощи Церкви. Чтобы облегчить душе переход ее в другую жизнь, над гробом православного христианина, тотчас по смерти его, начинаются молитвы об упокоении души усопшего или *поются панихиды*.

Панихида – слово греческое (происходит от трех греческих слов: «весь», «ночь» и «пою») и означает такое моление, которое совершалось в течение всей ночи. Самым именем своим она указывает нам на глубокую древность заупокойных молений. Еще в первые времена христианства, когда свирепствовали гонения на веру Христову от иудеев и язычников, вошло в обычай ночью молиться над усопшими и за усопших. В эти страшные времена христиане, боясь ненависти и злобы язычников, только ночью могли убирать и провожать в вечный покой тела святых мучеников, нередко истерзанные, обезображенные, разбросанные по частям и суста-

⁸ Об употреблении светильников при богослужении / *Симеон Солунский*. Разговор. 32 § 6.

⁹ Камень веры. Часть 1, гл. V. О благодетельствовании преставившимся.

вам, ночью же только и могли молиться над их гробами. Где-нибудь в дальней пещере, на кладбище, в катакомбах или в самом уединенном доме в городе, при окружающей весь мир тьме, которая служила символом нравственного состояния тогдашнего мира, верующие зажигали свечи около святых останков мучеников и в то же время сами, горя верой и любовью к Господу Иисусу, совершали погребальное пение в течение всей ночи, и на заре, утром, предавали эти останки земле, веруя, что души усопших возносились к Солнцу правды Господу Иисусу, в вечное царство света, мира и блаженства. Отсюда, т. е. от ночного времени, молитву и псалмопение над почившими христианами или в память их, Святая Церковь назвала панихидами.

Сущность панихиды состоит в молитвенном поминовении тех усопших отцов и братьев наших, которые хотя скончались в вере и благочестии, но не отрешились вполне от слабостей падшей и растлевшейся природы человеческой и унесли с собою во гроб слабости и немощи свои. Святая Церковь при совершении панихиды сосредоточивает все внимание наше на том, как души усопших восходят от земли на суд к лицу Божию и как со страхом и трепетом предстоят на этом суде и исповедуют дела свои пред Господом Сердцеведцем. В дивно высоком содержании представляет нам эти страшные минуты Святая Церковь и, не дерзая предвосхищать у Господа всеправосудного тайны суда Его над душами наших усопших отцов и братьев, тем не менее выясняет

для нас, от имени Самого же Господа, основной закон этого суда, и затем побуждает нас на молитву об усопших, давая полную свободу сердцу нашему высказаться в молитвенных воздыханиях, излиться в слезах и прошениях.

Панихида начинается обычным возгласом: *Благословен Бог наш всегда ныне и присно и во веки веков*. После возгласа читается псалом 90, начинающийся словами: *Живый в помощи Вышняго*. В этом псалме Святая Церковь представляет содержанию нашему светлую и отрадную картину перехода в вечность души истинного христианина и ставит нас в такое душевное настроение, в котором мы как бы невольно забываем все земное и житейское и устремляемся горе, к тому таинственному пути, который ведет нас к вечным обителям Отца Небесного.

Тот, кто живет под покровом Всевышнего, поживает в тени Всемогущего, – так начинается псалом. Говорит Господу: Ты прибежище мое, и Защитник мой, – Бог мой, на Которого я уповаю.

Но это только начало того душевного созерцания, в состояние которого нас желает привести Святая Церковь при совершении панихиды.

Не скрывает от нас она того великого и таинственного пути, которым восходят души наши от земли на небо; нет, она изображает подробно все опасности и ужасы этого пути, всю злобу и коварство врагов наших, дьявола и его клеветников, а вместе с тем и всю Божественную помощь нам от Господа

и святых Ангелов. Святая Церковь раскрывает перед нами тайны этого пути, давая нам разуметь, как много может помочь наша молитва тем, кто идет или кому еще нужно проходить этим путем. На этом пути есть всякого рода препоны и затруднения для души, всякого рода ужасы и опасности, есть, как выражается образно псалмопевец, и *сети птицелова*, и *гибельная язва*, и *ужасы ночи* (ночи смертной), и *стрелы, летящие днем*, и *язва, ходящая во мраке*, и *зараза, опустошающая в полдень*; есть, наконец, *аспиды и львы*, *скимны и драконы*. Эти символические выражения псалмопевца означают те мытарства, которыми должны пройти души усопших отцов и братьев наших по смерти, означают тех духов злобы, которые то с силой и лютостью льва и скимна рыкают и ищут поглотить души усопших, то со злобой и лукавством василиска и дракона ухищряются напасть на них при вступлении их в новый, духовный мир. Здесь же псалмопевец изобразил нам и Божественное охранение душ усопших отцов и братьев наших от Господа Всемогущего, указал на Ангелов Божиих, которым заповедал Отец Небесный охранять души верующих в Него на всех путях и особенно на страшном пути смертном.

– Он, – Господь Всемогущий, – избавит тебя, – говорит псалмопевец, созерцая душу верующую, идущую этим страшным путем. – Он избавит тебя от *сети птицелова*, и от *гибельной язвы*, перьями Своими осенит тебя, и под крылами Его укроешься, истина Его есть щит и ограждение. Не

убоишься ужасов ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень.

Близ тебя падет тысяча, и тьма по правую руку твою; но тебя не коснется; только смотреть будешь очами твоими и увидишь возмездие нечестивым!.. Всевышнего избрал ты своим прибежищем. Не допустится до тебя зло, и удар не достигнет жилища твоего. Ибо ангелам Своим заповедает о тебе сохранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. На льва и аспида наступишь, попираешь будешь скимна и дракона.

Святая Церковь для того представляет перед мысленные очи наши этот путь смертный, чтобы возбудить нас к молитве за усопших и чтобы показать, как драгоценна и потребна для них эта молитва наша. Следует только живо представить себя с нашими грехами и немощами на этом пути, среди духовных препон и опасностей, следует припомнить слова псалмопевца о всяком, идущем этим путем: *говорит Господу: Ты прибежище мое и защитник мой, Бог мой, на Которого уповаю*, и еще: *воззовет ко Мне и услышу Его*, и наше сердце невольно будет изливаться в молитве за усопших, в слезах и воздыханиях.

Правда, псалмопевец, от имени Отца Небесного, уверяет нас, что души усопших отцов и братьев наших не лишатся благоволительного призрения. *Так как он* (усопший христианин) *возлюбил Меня*, – вещает Отец Небесный, сретая душу усопшего, восходящую путем мытарства в мир светлых

духов, избавлю его, защищу его, так как он познал имя Мое. Призовет Меня – и услышу его, с ним Я в скорби, избавлю его и прославлю его. Долгоденствием насыщу его, и явлю ему спасение Мое. Но не должно забывать условий, при которых возможно это благоволительное призрение Отца Небесного. Поелику возлюбил Меня... Поелику познал имя Мое...

Замечательно, что Святая Церковь назначила читать этот же псалом и на шестом часе, перед Литургией, когда воспоминается Распятие Господа нашего Иисуса Христа; очевидно, что Святая Церковь словами псалмопевца изображает этот страшный путь смерти, которым должна была пройти и святейшая душа Господа Иисуса: в этом псалме есть твердое основание относить его к Спасителю мира. Псалмопевец, изображая препоны и ужасы смертного пути, обращается к Тому, Кого Он зрит идущим этим путем, со следующим воззванием: *ибо Ты, Господи, упование мое*. Вот почему для нас, христиан, и не слишком страшно вступать на этот путь, что им прошел уже Господь наш Иисус Христос; потому и не слишком боимся мы нападений врагов наших, что они побеждены уже Спасителем нашим, потому надеемся на охранение Ангелов Божиих, на помощь и благоволение Отца Небесного, что мы братья Господу Иисусу, что мы чада возлюбленные Богу, усыновленные Ему единородным Сыном Его.

Как мы сказали, Святая Церковь для того представляет мысленным очам нашим путь восхождения душ усопших от

земли на небо, к лицу Божию, чтобы, возвысив ум наш от земли, заставить нас с большим усердием и ревностью молиться об усопших. И вот тотчас после псалма начинается молитва наша за почивших.

Миром Господу помолимся. О свышнем мире и о спасении души наших, Господу помолимся. Это – обычное начало великой ектении; оно благоустраивает нашу душу к должному совершению молитвы за усопших.

Далее идут прошения собственно усопших.

О оставлении согрешений во блаженной памяти преставившихся Господу помолимся.

Первое, что может сделать для усопших отцов и братьев наших этот путь вечности трудным и страшным и лишить их блаженства в самой вечности, а нам причинить скорбь и муку душевную, – это грехи их.

И вот первая наша молитва – *об оставлении согрешений их*. Да не помянет, да простит и оставит их премилосердый Господь согрешения их!

О приснопамятных рабах (имярек) покоя тишины и блаженныя памяти их Господу помолимся.

Если только Господь оставит им грехи их, если не помянет беззаконий их, то уже нам легко уповать и молиться о том, чтобы Он, премилосердый, сподобил их вечного покоя, тишины и блаженной памяти. Ведь именно грехи наши возмущают душу нашу и лишают нас блаженства вечного.

Но мы боимся еще предаваться вполне этому светлому

упованию; мы припоминаем вольные и невольные согрешения усопших отцов и братьев наших, вспоминаем, что они должны предстать страшному престолу Господа славы, где спросится ответ за всякое слово и дело, за всякую мысль и чувство, — и вот снова летит наша молитва к Господу о прощении согрешений их, вольных и невольных, и о том, чтобы не осужденно им предстать у страшного престола Господа славы.

О прости им всякое прегрешение вольное и невольное Господу помолимся.

Но возводя сердца и очи наши к страшному престолу Господа славы с молитвою за умерших, Святая Церковь, как сребролюбивая мать, не забывает о горькой доли тех, которые в горе и слезах, которые возводят свои слезящие очи к Нему же Господу, рекшему: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28).

О плачущих и болезнующих, чающих Христова утешения, Господу помолимся.

Затем Святая Церковь снова возводит очи и сердца наши от земли, где мы видим плачущих и болезнующих сирот и сродников усопших, к престолу Божию и влагает в уста молитвы об усопших.

О отпуститеся им от всякия болезни и печали, и воздыхания, и вселити их идеже просвещает свет лица Божия, Господу помолимся.

О причтении их в недрах Авраама, и Исаака, и Иакова,

Господу помолимся.

Чего еще мы можем пожелать нашим усопшим отцам и братьям? Все выразила и высказала за нас Святая Церковь в этих молениях.

После этих молений за усопших мы обращаем внимание наше и на нас самих и молим Господа, чтобы Он избавил нас от великой скорби, гнева и нужды, чтобы заступил, спас и помиловал нас Своею благодатью. Потом, испросивши усопших милости Божия, Царства Небесного и оставления грехов, придаем сами себя, и друг друга, и всю жизнь нашу, со всеми ее скорбями и радостями, Христу Богу нашему.

По окончании ектении священник возглашает: *яко Ты еси воскресение и живот, и покой усопших раб Твоих, присно поминаемых отец и братий наших, zde лежащих и повсюду православных христиан, Христе Боже наш. И Тебе славу воссылаем, и проч.*

За ектениею следует пение *аллилуиа*.

Аллилуиа значит: *грядет Господь; хвалите и славьте живущего Бога*. Это голос небожителей, восхваляющих Господа (Откр. 19, 1–7).

Святая Церковь приближает перед очи веры нашей Господа славы и Его страшный престол, которому должны предстать наши умершие, приближает для того, чтобы нам самим быть свидетелями и исповеди их пред Господом, и Его всесвятого и всеправедного суда, – и тем возбуждает нас к претрепетному стоянию во храме на молитве в эти минуты.

В то время когда на клиросе поют *аллилуиа*, диакон произносит следующие стихи, предызображающие блаженство истинно верующих в Господа.

Блажени, яже избрал и приял еси, Господи. Память их в род и род. Души их во благих водворятся.

Потом, сердечно желая, чтобы этого блаженства удостоились и наши усопшие, Церковь присоединяет молитвенные стихи: *глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едине Содетелю, упокой, Господи души раб Твоих: на Тя бо упования возложиша – Творца и Зиждителя, и Бога нашего.*

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. В Тебе и стену и пристанище имамы и молитвенницу благоприятну к Богу, Его еж родила еси, Богородице безневестная – верных спасение. На клиросе поются только окончания этих стихов, именно: Творца и Зиждителя и Бога нашего, Богородице безневестная, верных спасение. Этим выражается притрепетное, прерывающее полноту нашей молитвы, ожидание нами Господа, грядущего к нам с Его судом. В этом ожидании как бы замирает в глубине трепещущего сердца нашего молитва наша, и только немногие, неполные выражения ее вырываются и проторгаются из него, вместе со вздохами нашими. Но вот завеса вечности открывается, вот Господь на престоле славы, вот Ему предстоят со страхом и трепетом усопшие отцы и братья наши, вот они исповедуют пред Ним все дела свои, со всей верой в него, со

всего любовью к Нему, со всем упованием на Него и вместе смиренным сознанием своего собственного недостойнства. Мы как бы предстоим при этом и молимся за усопших отцов и братьев наших.

Блажени непорочные в путь... Так начинается исповедь каждой души, отшедшей от нас и предстоящей суду Божию.

Помяни, Господи, душу раба Твоего (или души рабов Твоих): этой молитвой нашей мы как бы прерываем исповедь души, предстоящей Суду Божию.

Блажени непорочные в путь ходящий в законе Господни, — продолжает она прерванную исповедь свою.

Мы снова молитвенно взываем ко Господу: *помяни, Господи, душу раба Твоего.*

Блажени испытующия свидения Его, всем сердцем взыщут Его.

И опять наша молитва: помяни, Господи, душу раба Твоего.

До сих пор душа, предстоящая суду Божию, исповедала пред Господом то общее основание, на котором зиждется вечное блаженство наше; но вот она сосредоточивает по преимуществу взоры свои на себе, на своих духовных стремлениях и настроениях, и исповедует эти стремления и настроения пред Господом.

Всем сердцем ищу Тебя, не дай мне уклониться от заповедей Твоих.

Помяни, Господи, душу раба Твоего, — вопием мы ко Гос-

поду, преклоняя Его на милость к душе усопшего.

В сердце мое заключил я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою.

Странник я на земле, не скрой от меня заповедей Твоих.

Отврати от меня поношение и посрамление, ибо я храню откровения Твои.

Душа моя повержена во прах, оживи меня, по слову Твоему.

Прилепился я к откровениям Твоим, Господи; не постыди меня.

Да придет ко мне милость Твоя, Господи, – спасение Твое, по слову Твоему.

Молю Тебя от всего сердца: помилуй меня, по слову Твоему.

Руки Твои сотворили меня и устроили меня; вразуми меня, и научусь заповедям Твоим.

Да придет ко мне милосердие Твое, и буду оживлен; ибо закон твой утешение мое.

Истаевает душа моя, желая спасения Твоего, слова Твоего жду. Исчезают очи мои, устремленные в слово Твое; я говорю, когда Ты утетишь меня?

По милости Твоей оживи меня, и буду хранить откровение уст Твоих.

Если бы не закон Твой был утешением мне, погиб бы я в бедствии моем.

Вовек не забуду повелений Твоих, ибо Ты ими оживляешь

меня.

И после каждого стиха мы повторяем наше молитвенное воззвание: *помяни, Господи, душу раба Твоего.*

На малое время умолкает душа, предстоящая Суду Божию, как бы для того, чтобы собраться с силами к новой исповеди. За то, что мы стараемся в это время вознести нашу единодушную мольбу к Господу за отшедшую от нас душу.

– Паки и паки миром Господу помолимся, – говорит священник или диакон, возбуждая нас к молитве за усопшего и как бы боясь, чтобы мы не пропустили этого благоприятного для нас времени, в которое умолкает исповедь души усопшего.

Мы единодушно отвечаем: *«Господи, помилуй».*

– Еще молимся, – продолжает священник или диакон, – об упокоении души усопшего раба Божия (имярек), и о еже проститися ему всякому согрешению, вольному же и невольному.

– Господи, помилуй.

– Яко да Господь Бог наш учинит душу его, иде же праведнии упокоются.

– Господи, помилуй.

– Милости Божий, Царства Небесного, и оставления грехов его, у Христа бессмертного, Царя и Бога нашего, просим.

– Подай, Господи.

– Господу помолимся.

Мы снова взываем: *«Господи, помилуй».* Между тем свя-

щенник тайно читает следующую молитву: «Боже духов и всякия плоти, смерть поправый и диавола упраздний, и живот миру Твоему дароваый, Сам Господи, упокой душу раба Твоего (имярек) в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюду же отбеже болезнь, печаль и воздыхание. Всякое согрешение, содеянное им словом, или делом, или помышлением, яко благий Человеколюбец, прости. Яко несть человек, иже жив будет и не согрешит: Ты бо един еси кроме (без) греха, правда Твоя – правда вовеки, и слово Твое – истина». И потом возглашает: «Яко Ты еси воскресение и живот и покой» и проч.

После ектении следует продолжение той же исповеди перед страшным престолом Господа славы, которая начата была прежде душой, от нас отшедшей.

«Я – Твой, спаси меня», – вызывает душа, предстоя лицу Божию.

– Упокой, Господи, душу раба Твоего, – молитвенно вызываем мы к Господу-Сердцеведцу.

«Сильно угнетен я, Господи, оживи меня, по слову Твоему».

– Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Ты покров мой и щит мой, слова Твоего жду.

Трепещет от страха Твоего плоть моя, и судов Твоих боюся.

Заступи раба Твоего ко благу его, дабы не угнетали меня гордые.

Исчезают очи мои, устремленные во спасение Твое, и в слово правды Твоей.

Я – раб Твой, вразуми меня, и познаю откровения Твои.

Призри меня и помилуй меня, как поступаешь с любящими имя Твое.

Осияй раба Твоего светом лица Твоего, и научи уставам Твоим.

Скорбь и горесть постигли меня, заповеди Твои – утешение мне.

Взываю от всего сердца: услыши меня, Господи, я сохраню уставы Твои.

Услышь глас мой по милости Твоей, Господи, по суду Твоему оживи меня.

Воззри на бедствие мое, и избавь меня, ибо я не забываю закона Твоего.

Вступишь в дело мое и защити меня, по слову Твоему, оживи меня.

Милосердие Твое, Господи, велико, по правосудию Твоему оживи меня.

Да взыдет вопль мой пред лице Твое, Господи, по слову Твоему, вразуми меня.

Да будет рука Твоя в помощь мне, ибо я повеления Твои возлюбил.

Жажду спасения Твоего, Господи, и закон Твой – утешение мое.

Да живет душа моя и славит Тебя, и суды Твои помогут

мне.

Я заблудился, как овца потерянная, взыщи раба Твоего; ибо я не забыл заповедей Твоих.

И к каждому стиху мы присоединяем нашу молитву: *упокой, Господи, душу раба Твоего.*

Таким образом, душа усопшего нашего отца или брата употребляет все средства преклонить Господа на милость к ней; она дерзновенно указывает на любовь свою к закону Божию, указывает на то, что она создание рук Божиих, что она служила Господу со всем усердием и ревностью указывает на безграничное милосердие Господа; она вопиет к Нему воплем крепким и сильным. Со своей стороны и мы подкрепляем эту исповедь и молитву нашей мольбой к Господу и, таким образом, ставим себя в живое и близкое общение с усопшими нашими отцами и братьями.

Внимая с трепетом сердца исповеди, какую совершает душа усопшего, предстоящая страшному престолу Господа славы, и воссылая нашу молитву ко Господу за эту душу, мы с напряженным вниманием ожидаем, что сотворит с этой душой Господь Всесвятой и Правосудный? Что ответит Он на эту исповедь души усопшего и на нашу молитву?

Но Святая Церковь не осмеливается предвосхищать тайны суда Божия у Господа: Его всесвятой и всеведущей воле и премудрости известно, какая участь ждет душу нашего усопшего отца или брата... Она раскрывает только общий, основной закон правды и святости Божией, – закон, по которому

Господь воздаст каждому по делам его. Вот сущность этого закона, изрекаемого Самим Господом: «Все вы, которые шли узким и скорбным путем, все взявшие в жизни крест, как ярем, Мне последовавшие верою: приидите, насладитесь теми почестями, которые Я вам уготовал, и увенчайтесь венцами небесными». Первоначально и скорее всех эта награда принадлежит, без сомнения, лику святых мучеников, которые проповедали на земле Агнца Божия, вземлющего грехи мира, и сами за него закланы были, как агнцы, потом и всем тем, которые шли скорбным и узким путем, которые во время земной жизни своей взяли крест свой, как ярем, и шли по стопам Господа, т. е. – всем истинным христианам.

Чтобы закон правды Божией растворен был и милосердием Божиим, Святая Церковь влагает в уста каждого умершего следующие молитвенные воззвания к Господу:

«Я образ неизреченной Твоей славы, хотя и ношу на себе язвы прегрешений; ущебри Твое создание, Владыко, и очисти Твоим благоутробием, и вождевленное отечество мне даруй, сделав меня опять жителем Рая.

Ты, создавший некогда меня из небытия и почтивший Своим Божественным образом, а потом за преступление заповеди опять возвративший меня в землю, из которой я взят был, возведи меня в подобие Твое, чтобы во мне отразился образ в прежней красоте».

С этими молитвенными воплями усопшего соединяем и мы свою молитву к Господу:

«Упокой, Боже, раба Твоего и учини его в Раю, идеже лица святых Твоих, Господи, и праведницы сияют, яко светила; усопшего раба Твоего упокой, призирая его все согрешения».

Затем после прославления Пресвятой Троицы: Отца безначального, Сына собезначального Отцу и Божественного Духа, и после молитвенного восхваления Пресвятой Богородицы поется трижды: *Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа. Слава Тебе, Боже!* Все славословия и молитвы Церкви воинствующей покрываются вечным неумолкаемым славословием небожителей в честь и славу триипостасного Бога. Так дивно высоко это созерцание Святой Церкви! Невольно трепещешь, внимая приговору Господа Правосудного, или прислушиваясь к молениям души усопшего, или повторяя славословие небожителей. Невольно чувствуешь, что ты сам будешь стоять пред страшным престолом Господа славы, сам будешь давать ответ за всю свою жизнь.

Этим не оканчивается панихида. Дивно высокое созерцание, предложенное нам Церковью, побуждает нас вновь на молитву за усопших наших отцов и братьев, раскрывает сердце наше для воздыханий молитвенных, для умилений, для слез и надгробного рыдания. Доселе участие наше было как бы второстепенное, на первом плане была душа усопшего. Доселе наша молитва была как бы отрывочной; она или прерывала исповедь усопшего, или сама прерывалась его исповедью. Но вот, после открытия для нас тайны суда Божия, —

сколько это возможно и доступно для нас, после окончательного славословия небожителей – нам дается полная свобода излить пред Господом молитву нашу за усопших. И весьма премудро так поступает Святая Церковь; душа наша полна трепета от мысли – предстоять страшному престолу Господа славы; она в трепетном благоговении внимала коренному закону суда Божия, общему для всех истинных последователей Христовых. Теперь-то ей всего естественнее излиться пред Господом всесвятым и премилосердным в молитве о том, чтобы этот общий закон Суда Божия милостиво пременен был и к нашим усопшим отцам и братьям. Теперь-то душа наша и высказывает всю полноту любви своей и сочувствия к усопшим нашим: «Господи, – как бы так вопиет душа наша к пресвятому и премилосердому Судии. – Господи! Ты изрек основной закон Твоего суда. Ты сказал, что все, шедшие узким и скорбным путем, все в жизни земной взявшие крест как ярем, и Тебе последовавшие верою, – все наслаются уготованных им почестей и венцов небесных: примени же этот общий закон правды и милости и к моему усопшему (родителю, или брату, или супруге, или сыну, или сроднику), об этом теперь моя умиленнойшая, пламеннейшая молитва».

И начинается ряд молитв наших за усопших.

После пения: *«Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже»* следует малая ектения заупокойная, потом седален: *«Покой, Спасе наш, с праведными рабы Твоя, и всели их во дворы Твои, яко же есть писано, презирая яко благ их пре-*

грешения вольная и невольная, и вся, яже в ведении и неведении, Человеколюбче».

И богородичен: Ты, от Девы возсиявший миру, Христе Боже, показавый нас сынами света Ею, помилуй нас. И в седалъне и в богородичне поются одни окончательные слова. Потом, после псалма пятидесятого: Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, в котором мы как бы на минуту сосредоточиваем внимание наше на нас самих, на нашем греховном недостойнстве, поется канон по усопшим.

Тропари канона расположены в следующем порядке: первый тропарь содержит молитву нашу к святым мученикам, пролившим кровь свою и претерпевшим бесчисленные муки ради Господа; их мы побуждаем на ходатайство пред Господом за усопших наших. Затем следуют два тропаря, которые содержат в себе моление наше к Господу за умерших. В этих тропарях мы высказываем пред Господом Иисусом все, что только может подвигнуть Его на милость к нашим усопшим, указываем на Божественную премудрость Его, но которой Он создал нас вначале из души и тела и воодушевил вдохновением Божественным на благость и милосердие Его, по которым Он вторично обновил нас, падших, пострадал и умер за нас, разрушил смерть и ад, даровал нам и усопшим бессмертие, избавил их и нас от умерщвления и тления; указываем на то, что Он знает немощь естества нашего, что Он неизреченно милосерд, *весь сладость, весь желание и любовь ненасытная, весь доброта несказанная*, что Он Господь

и Владыка всех и имеет власть над живыми и мертвыми, что у Него много обителей, и Он *разделяет их всем по достоинству, по мере добродетели.*

Что касается самих умерших, то мы не смеем пред Господом высказать ничего решительного о вечной судьбе их, одно только смиренно напоминаем мы, что они рабы Его и, *очистившись древняго прародительского падения крещением и паки порождением, и имуще жезл силы – крест Его, приидоша мирское море.*

Перед каждым из этих тропарей мы полагаем молитвенное воззвание наше к Господу: *упокой, Господи, души усопших раб Твоих.*

В последнем тропаре каждой песни канона мы обращаем молитвенные взоры наши к Пресвятой Богородице и просим Ее молитв и за нас, и за усопших наших.

Канон заупокойный, как и другие, разделяется на три части в честь и славу Пресвятой Троицы краткими ектениями и особыми стихирами.

После третьей песни канона читается следующий седален: *«Воистину все – суета, жизнь наша – тень и сновидение: напрасно же мятется всякий земнородный, – как говорит Писание. – Если и мир весь приобретаем, и тогда все же во гроб вселимся, где не различить царя от нищего. Итак, упокой, Христе Боже, преставльшихся, ибо Ты – Человеколюбец».*

Долго Святая Церковь держала и очи, и сердца наши на высоте надземной, у страшного престола Господа славы, и

представляла нам дивно высокие созерцания; наконец она дает нам возможность низвести взоры наши на землю. И вот на земле нам все представляется суетой, жизнь наша – тенью и сновидением, хлопоты и заботы наши – пустым крушением духа.

Как бы испуганные этим, мы вновь вопием к Господу, чтобы Он, как Человеколюбец, упокоил преставившихся от нас отцов и братьев наших, избежавших этой суеты.

«Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Пресвятая Богородице! Во время жизни моей не остави меня, человеческому предстательству не вверь меня, но Сама заступи и помилуй меня».

Среди суеты житейской, где нам приходится жить, к кому мы, после Господа, обратимся с нашею молитвой, как не к Пресвятой Богородице? Ей мы вверяем себя, у Ней ищем заступления и милости.

После шестой песни канона, после малой ектении, поется кондак:

«Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

Таким образом, взоры и сердца наши снова устремляются на небо, опять молитва наша возносится к Господу Иисусу об упокоении наших усопших со святыми, *идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.* За

кондаком следует икос:

«Ты Сам един только бессмертен, сотворивший и создавший человека, а мы – земные, из земли созданы, и в ту же землю опять пойдем. Ты так повелел, Создатель мой, когда сказал: земля еси и в землю отыдеши. И вот все мы в нее пойдем, надгробным рыданием творя песнь, аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа».

После канона и икоса продолжается канон с его припевом: *Упокой, Господи, души усопших раб Твоих.*

Пред девятой песнью священник возглашает:

Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим. По обычаю служб воскресных и праздничных можно было бы ожидать той песни, которую воспела Пресвятая Дева Мария, когда после благовещения Ей от Архангела, увидела праведную Елисавету и услышала от нее: *откуда мне сие, да придет Мати Господа Моего ко Мне* (Лк. 1, 43) – можно было ждать того убажания в честь и славу Божией Матери, которое обыкновенно соединяет Святая Церковь со словами песни Пресвятой Богородицы. Нет, на панихиде не поется – ни песнь Богородицы, ни убажение в честь Ее. Нам не ко времени теперь такая радостная песнь и такое торжественное убажение: у нас на глазах слезы, на сердце скорбь, на уме мысль о суете нашей и о неизбежности смерти.

На слова священника *Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим*, лик певцов отвечает: *дуси и души праведных восхвалят Тя, Господи.* Славословия и восхваления свой-

ственные не нам, грешным, в эти минуты скорби и сетования, а святым и чистым духам небесным и душам тех праведников, которые уже предвкушают вечное блаженство. На наших грешных устах, в эти минуты плача и рыдания, замирает слово хвалы, прославления.

И после поется ирмос девятой песни: *ужасеся о сем небо.*

Затем следует *Трисвятое; Пресвятая Троице, Отче наш.* Мы тихо вторим за Херувимами и Серафимами их славословия, соединяя с этими славословиями наши моления, выражающие и исповедание Пресвятой Троицы, и славословие в честь Ее, и наши прошения к Отцу Небесному. После *Отче наш* поются следующие тропари.

«С душами праведников скончавшихся упокой, Спасе, и души рабов Твоих, сохраняй их во блаженной жизни, которая у Тебя, Человеколюбче.

В месте упокоения Твоем, Господи, там, где святые Твои успокоиваются, упокой и души рабов Твоих, так как Ты един Человеколюбец.

Ты Бог, сошедший во ад и узы окованных разрешивший. Сам и души рабов Твоих упокой.

Едина чистая и непорочная Дева, Бога бессеменно родившая, моли спастися душам их».

Итак, вместо всяких славословий наших и величаний мы воссылаем молитву нашу за наших усопших к Господу. Потом следует сугубая заупокойная ектения и – отпуст. Отпуст состоит из следующего благожелания, или лучше – уверения

от лица священника: *«Воскресый из мертвых, мертвыми и живыми обладая, Христос истинный Бог наш, молитвами пречистыя Своя Матери, святых славных и всехвальных апостол, преподобных и богоносных Отец наших и всех святых, души от нас представлявшихся рабов Своих в селениях праведных учинит, в недрах Авраама упокоит и с праведными причтет, и нас помилует, яко благ и человеколюбец»*.

И по отпусте возглашает диакон: *«Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабам Твоим (имярек) и сотвори им вечную память!»*

Это молитвенное воззвание *вечная память!* есть как бы дар и довершение всего, говорит блаженный Симеон Солунский; оно отсылает умершего к наслаждению Богом и как бы предает Богу душу и тело усопшего¹⁰.

Так совершается панихида за упокой усопших отцов и братьев наших. Святая Церковь соединила в ней все, чтобы оторвать нас от земли и возвести мысленно к страшному престолу Господа славы, чтобы соделать нас свидетелями исповеди усопших наших отцов и братьев пред Его престолом, свидетелями суда Его над ними, и тем возбудить нас на молитву за них.

Кроме панихид, для этой же цели, т. е. чтобы облегчить душе переход ее в страну вечности, а вместе для утешения родных, *читаются при гробе боговдохновенные псалмы Давида*, в которых так ясно высказываются многообразные дви-

¹⁰ Духовная беседа. 1865.

жения души, живо сочувствующие и нашей скорби, и нашей радости. Этот священный обычай знала самая глубокая древность; например, при гробе Божией Матери святые апостолы провели три дня в псалмопении¹¹. При гробе святой Макарины, сестры святого Григория Нисского, христиане пели псалмы всю ночь¹². Почему с древних времен Православная Церковь положила читать над гробом умершего именно книгу псалмов, а не другую какую-нибудь книгу Священного Писания – ответить нетрудно. Христианин должен с радостью провожать усопшего брата своего из земли, странствия, из места кровавых подвигов и трудов в блаженную страну вечности и петь торжественный псалом и гимн Богу, освободившему усопшего от уз мира. С другой стороны, смерть ближних наших пробуждает в нас множество разнообразных мыслей и чувствований. Что же лучше петь над гробом нашего ближнего, как не Псалтирь, которая изображает все многообразные движения души нашей, живо сочувствует и нашей радости, и скорби, много проливает утешения и ободрения в скорбящее сердце¹³. Наконец, книга псалмов такова, что молящийся и читающий ее может произносить слова ее как свои собственные¹⁴. Потому, когда слышится над

¹¹ Четьи-Минеи, авг. 15.

¹² Greg. Nyssen vita Macrinae. Т. II. Р. 200.

¹³ См.: *Св. Григорий Нисский*. Слово на день вознесения; Блаженный Августин. Предисловие к толкованию на псалмы.

¹⁴ *Св. Афанасий Великий*. Письмо к Маркелину о толковании псалмов.

гробом христианина голос чтеца, то невольно представляется, что молитва боговдохновенного Давида как бы произносится запечатленными устами самого умершего, и как будто бы он сам из гроба умоляет милосердие Божие о своем помиловании¹⁵.

Недолго мертвое тело православного христианина остается на том месте, где он преставится, но скоро выносится в храм. *Пред выносом тела из дома во храм, равно как и при совершении панихид, совершается каждение.*

Каждение напоминает верующим, что душа умершего, подобно фимиаму, восходит на небо и что молитвы Церкви о нем приятны Богу. При выносе праха мирянина во храм и из него к могиле поется архангельская песнь в честь Святой Троицы – *Святый Боже*, в ознаменование того, что скончавшийся при своей жизни прославлял Святую Троицу этой песнью и теперь переходит к триединому Богу, что с нами незримо шествуют, сопровождают усопшего Херувимы и Серафимы и радостно сретают душу покойника в горний мир свой.

Во храме тело почившего поставляется *против царских врат лицом к нелицеприятному Судии*, невидимо присутствующему в алтаре, на святом престоле, – лицом к востоку, по подобию христиан молящихся, дабы и отшедшая душа молилась купно с братьями, еще облеченными плотию и живущими на земле.

¹⁵ Христианское чтение. 1845. Ч. 3.

После Божественной Литургии начинается последнее молитвословие об умершем христианине или совершается чин погребения. Погребение «мирских человек», как и панихида, начинается псалмом 90 и кафизмою 17 или пением 115 псалма во имя Святой Троицы, разделенного на три статьи, из которых в первой и последней каждый стих сопровождается припевом: *аллилуиа*, а во второй – *помилуй раба Твоего*; псалом 118, называемый «Непорочны», особенно приличен для возношения при погребении умерших. Этот псалом прославляет и умилоствует Господа, ясно изображая блаженство умерших, ходивших «в законе Господни». По пропении псалма Церковь со стихами, избранными из него, – *Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям Твоим*, – произносит стихиры Иоанна Дамаскина, составленные им в VIII веке. Далее следует канон заупокойный с припевом: *Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего* – творение Феофана Начертанного, написанное в VIII веке на смерть брата – Феодора Начертанного. Содержание канона – моление о почившем, объяснение, каким путем вошла смерть в среду людей, созданных для бессмертия, указание средств восторжествовать над ней и получить бессмертие, как восторжествовали мученики, эти первенцы истинно христианской кончины, и все святые, своею жизнью угодившие Богу.

В обыкновенное время мы слишком легкомысленно смотрим на земную жизнь, нам рисуются цветы и розы; нам

хочется как можно подольше пожить и поблаженствовать на земле. Но вот гроб ближнего нашего спугнул эти розовые мечты. Мы протрезвились. В эти-то минуты духовного отрезвления нашего, в эти минуты, когда наши взоры и сердца невольно устремлены бывают к небу и к жизни небесной, Святая Церковь показывает нам во всей неподкрашенной суровости и наготе значение земной жизни. Свой взгляд на землю и на земную жизнь наша Церковь изложила не в виде сухой проповеди, а в виде стихир (*самогласных*), изливающих из глубины нашего сердца, на собственном опыте узнавшего суету и крушение нашей жизни на земле. Самогласны – это вопль человека над развалинами жизни человеческой, о суете ее, ничтожности, всех бедствиях и скорбях, вопль – следствие горького опыта и плод внимательных наблюдений всех сторон жизни человеческой. Это не ощущение только, но как бы осязание во всем земном тления, разрушения и смерти; это – картина жизни человеческой, не радующая и не пленяющая взора нашего, но возбуждающая болезненное сотрясение во всем нашем существе, – картина, при взгляде на которую рассеиваются все наши надежды на земное, разбиваются о камень все наши помыслы и мечты, тяготится душа и болит сердце. Только молитва об упокоении усопшего смягчает несколько суровость самих стихир. Всех таких стихир восемь, по числу восьми гласов. Мы приводим их здесь (в русском переводе) все целиком, чтобы каждый мог убедиться, какое глубокое впечатление произ-

водят они на душу человека.

1. Какая сладость в жизни пребудет непричастною печалью? Или чья слава устоит на земле неподвижно? Все (здесь) ничтожнее тени; все обманчивее сновидения; одно мгновение – и все это похищает смерть; но упокой, Христе, как Человеколюбец, во свете лица Твоего и в наслаждении Твоею красотой сего (усопшего), которого Ты избрал.

2. Горе мне! Сколь тяжкий подвиг совершает душа, разлучаясь от тела; увы! Сколько она тогда слез проливает; и нет, кто бы взмилдовался над нею: к Ангелам возводит очи свои, но напрасно их умоляет; к людям простирает руки свои, и здесь нет помощника. Посему, возлюбленные братие мои, представивши себе, сколь кратка временная наша жизнь, будем просить у Христа упокоения преставленному и душам нашим великой милости.

3. Для людей все то суета, что не остается (с ними) по смерти: не остается богатство; нейдет (с ними во гроб) слава. Ибо как скоро пришла смерть, все это исчезло. Посему возопием Христу бессмертному – упокой преставившегося от нас там, где всех веселящихся жилище.

4. Куда девалось пристрастие к миру? Где мечты о временном? Где золото и серебро? Где множество рабов и слава? Все это – персть, все пепел, все тень. Приидите же возопием бессмертному Царю: Господи! сподоби вечных благ Твоих преставившегося к Тебе от нас и упокой его в нестареющем Твоем блаженстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.